

К. Рэд

Саги Старой Пустыни

К. Рэд

Саги Старой Пустыни

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Рэд К.

Саги Старой Пустыни / К. Рэд — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Этот мир похож на наш, каким бы он мог быть тысячу лет назад, если бы мельчайшие случайности изменили ход истории. Аравийский полуостров объединен пришедшими с востока Ханами в великую Песчаную Империю, в которой нет места религиозной и национальной нетерпимости. Но освященные веками устои начинают рушиться после встречи молодого имперского чиновника Ахмара с девушкой, давшей обет во имя своей богини убивать Верных - адептов недавно появившейся секты, в чьих верованиях причудливо сплелись скандинавская и бедуинская мифология. Желая спасти девушку от неминуемой и жестокой казни, Ахмар невольно запускает цепочку событий, которые могут привести к самым непредсказуемым последствиям. Теперь жизни этих двоих сплетены в одно целое амулетом могущественных Красных Магов, а от смерти спасти может не только умение убивать, но и способность сделать правильный выбор. Но спасшийся от смерти пожалеет о том, что не умер...

© Рэд К., 2017

© ЛитРес: Самиздат, 2017

Содержание

Пролог.	6
Часть первая: время легенд.	7
Пустыни, которые нас выбирают.	7
Ахмар.	7
Ксенна.	8
Ахмар.	9
Ксенна.	10
Ахмар.	12
Ксенна.	14
Ахмар.	16
Ксенна.	19
Интересы Империи.	21
Ахмар.	21
Ксенна.	22
Ахмар.	23
Ксенна.	25
Ахмар.	28
Ксенна.	30
Ахмар.	31
Ксенна.	32
Ахмар.	35
Воля Одена.	37
Ахмар.	37
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Пролог.

Пустыня.

Пустыня живет везде. Возможно, за вашими окнами и не расстилаются бескрайние просторы ее барханов, но она все равно была тут когда-то в прошлом, либо будет когда-то в будущем – а разве имеет значение время для вечного песка? Он спокоен и терпелив, ибо знает, что рано или поздно возьмет свое. Рождаются и уходят в небытие люди, города и империи, и думают они в великой своей самонадеянности, что пребудут на этом свете всегда, но рано или поздно на смену им приходит пустыня и ветер гонит песок с дюны на дюну на том месте, где когда-то смеялись, любили, убивали и умирали. Пустыня же не умрет никогда, ибо суть ее – время, пожирающее все на свете. Песчинки ее, словно в огромных часах, отсчитывают каждый миг, отмеренный этому миру. И не только этому, ведь время подобно реке, протекающей через все миры, возможные и невозможные.

А потому, где бы вы не жили, однажды вечером закройте глаза и прислушайтесь. И если вы будете достойны, возможно, услышите тихий шорох песка. Это голос пустыни, вечной и безмолвной, но все же могущей поведать вам свои истории. Чудные истории из других времен и других миров о героях и злодеях, что равно превратятся в прах и вечные пески укроют их своим покровом. Но сейчас, пока пустыня шепчет о них вам на ухо, они живы, а потому – слушайте.

Слушайте.

И не открывайте глаза.

Часть первая: время легенд.

Пустыни, которые нас выбирают.

*Сага Восьмая. Бури.
С тех пор, как сотворил владыка Оден мир наш
Лед и Огонь ведут вражду друг с другом
И тает Лед и гаснет ярь Огня
Рождая грязь золь, что правит нынче миром*

Ахмар.

– Эй, вы там, поаккуратнее! Я добрый человек, но если эта качка не прекратится, кое у кого к вечеру выскочит неплохой свищ на самой деликатной части тела!

Паланкин перестал отчаянно колыхаться, словно повторяя все очертания поверхности отвратительнейшей проселочной дороги, по которой шел наш караван, и я снова откинулся на ворох смятых подушек. Да, что ни говори, а репутация серьезно помогает наладить правильные взаимоотношения с окружающими. Особенно если эти окружающие знают, что их хозяин на короткой ноге с Красными Магами, а также один из немногих, получивших дозволение на ограниченное колдовство, сиречь управление амулетами, от обоих советов – Красного и Государственного. Ох, если бы можно было так же напугать отчаянно палящее солнце и пыль, умудряющуюся проникнуть в наглухо закрытый паланкин! Увы, увы...

Я отхлебнул немного кифы из небольшого дорожного кувшинчика, прикрыл глаза и вернулся к своему увлекательному внутреннему диалогу. «О, Ахмар!» – низкий голос, с интонациями умудренного жизнью средней руки купца с городского базара, звучал размеренно и успокаивающе. – «А нужно ли тебе все это? Ты добился неплохого положения и достатка, у тебя есть друзья и дом – так не пора бы тебе успокоиться? Жениться, завести детей, спокойно доживать жизнь, наслаждаясь вечерним бокалом вина и звоном монист танцовщиц в прохладном полумраке ближайшего питейного подвальчика, где самой большой опасностью для тебя будет оставить на столе больше драхм, чем ты собирался? Ты так настойчиво стремился получить место при дворе великой Песчаной Империи, что все-таки добился своего – ты теперь один из уполномоченных при Муккарибе Порядка и получил свое первое героическое испытание: отправиться с караваном торговцев в забытую всеми богами Зафарру, расследовать убийство нескольких семей никому не нужных переселенцев из Аксумского эялета. А всего вернее – умереть там от скуки, жары и дизентерии. Разве этого ты хотел от жизни?»

«Не слушай этого презренного труса! Жизнь – это приключение!» – второй голос нравился мне куда больше, звучавшая в нем задорная юность бодрила, напоминая о лучших мгновениях жизни. – «Не для того ты так долго стремился вверх с самого низа, с грязных трущоб Аль-Хиры, завоевывая все лучшее, чего ты действительно достоин, чтобы опустить руки, испугавшись жары и пыльной дороги – которая, кстати, уже подходит к концу.»

И в самом деле – уже можно было различить еле слышные звуки хоть небольшого, но все-таки торгового городка, да еще и стоящего на пересечении караванных путей. Зафарра встретила меня звоном молотков ремесленников, криками базарных зазывал, негромкой музыкой, уже начавшей звучать из зланных заведений и какой-то специфической тишиной, умудряющейся на фоне этих звуков существовать, и даже некоторым образом их подчеркивать – верная примета провинции. Ну что же, провинция так провинция, в конце концов, я и не рассчитываю

долго тратить тут свое драгоценное время. Найти убийц, имея те амулеты, что я везу с собой – дело двух–трех дней, не более, еще столько же можно потратить на знакомство с местными девушками и винами – и назад, в Аль–Хиру, к утонченным столичным удовольствиям и подковой возне при дворе Великого Хана. К гораздо большим опасностям, честно говоря.

Прибытие и обустройство прошло гладко, не считая надоедливого местного старосты, конечно же прибежавшего встретить уполномоченного одного из муккарибов. Нет, уважаемый, я не буду ночевать в твоём доме. Да, любезный, я остановлюсь в этом грязном караван–сараяе. Да–да, прямо в шатре на улице. Нет, девочек присылать не надо. Мальчиков тоже. Вина можно, немного. Следственные действия – завтра, с самого раннего утра. Непременно, негодяям никак не уйти от расплаты, магия Красного Совета не даёт осечек. А теперь, о многоуважаемый староста, да удлинят все боги твою бороду и размножат род твой, не позволишь ли ты несчастному слуге Муккариба Порядка немного отдохнуть после тяжелого пути... На этом месте, хвала Аль–Лат милостивейшей, излишне усердный чиновник соизволил оставить меня в покое, и я начал располагаться в шатре, который за время нашей беседы мои четверо носильщиков, они же – походное звено телохранителей уполномоченного, успели разложить на самом краю караван–сарая, не отгороженного от начинающейся за городом пустыни ничем, кроме надежд хозяев на милосердие местных разбойников, да еще, возможно, регулярной mzды этим хищникам барханов за спокойный сон своих постояльцев. Одним словом – место самое подходящее для того, что должно произойти, да и время приезда выбрано как нельзя лучше – сумерки уже опутывали теньями улочки Зафарры.

Растянувшись на ложе и положив рядом несколько амулетов, я начал снова просчитывать ситуацию. Количество населения, примерная скорость распространения новостей, радиус возможного нахождения – по всем прикидкам из методичек выходило, что ждать гостей, прослышавших о том, что расследовать их преступление приехал уполномоченный из самой Аль–Хиры, оставалось около часа. После чего я должен был услышать приглушенную возню снаружи, несколько сдавленных криков и предложение от старшего звена немедленно ввести негодяев в шатер, на допрос с пристрастием третьей степени. Но методички же настоятельно советовали не расслабляться – поэтому я улегся поудобнее и, медленно потягивая кифу, стал прислушиваться к доносящимся с улицы звукам, держа свободную руку поближе к амулетам – на случай, если все пойдет не так, как задумывалось, и охране понадобится моя помощь. Спокойствие и сосредоточение...

То, что все пошло совершенно не по плану, я понял только тогда, когда волнистый вороненый кинжал в полной тишине распорол стенку шатра и в свет походной лампы с грацией кошки вступила его обладательница – девушка с выкрашенными хной красными волосами и кожей такого же иссиня–черного цвета, как клинки двух ее кинжалов. Мгновенно сориентировавшись в ситуации, она молнией метнулась ко мне...

Ксенна.

...и лезвие уже должно было вонзиться в шею имперской ищейки. Но эта мразь вдруг резко перекувыркнулась в сторону и махнула какой–то овальной штукой, зажатой в руке. И, практически мгновенно, я потеряла всякий контроль над своим телом и безвольно упала со всего размаху к его ногам. Чуть ли не уткнувшись носом в его красные узорчатые туфли. Великая Мать, какой позор! Проклятое колдовство, почему оно все время оказывается сильнее честной стали?! Какое унижение – воин пустыни валяется у ног аль–хирского торгаша, как презренный попрошайка!

Столичный визитер, тем временем, весьма деловито приподнял меня, опер спиной о большой чан для умывания. Нацелил мне в лицо свою шутовину и начал ей трясти. Нет, похоже, это не обычный пузатый чиновник. Молодой, черноволосый, худощавый, серые глаза

с отливом в синеву. Даже симпатичный. Одет в черные штаны и красную куртку. Движения уверенные, осанка прямая.

– Все, теперь ты можешь говорить, – он посмотрел мне прямо в глаза и внезапно улыбнулся. – И я могу наконец представиться прекрасной девушке, так неожиданно заскочившей на огонек к одинокому страннику. Меня зовут Ахмар, а тебя?

– Ксенна. Хорошо ломать комедию. Пытать меня тебе придется самому, твои охранники мертвы.

– Я и не собирался... Что?! – одна его бровь недоуменно изогнулась, поднявшись вверх. – Ты, конечно же, шутишь, красавица. Я могу допустить, что ты сумела незаметно проскользнуть мимо охраны – в конце концов, ты находишься здесь, с этим не поспоришь, но прикончить четверку отборных телохранителей...

– Так иди проверь. Не сотрясай воздух понапрасну.

Он уже гораздо серьезнее посмотрел на меня, нахмурился, поднял что-то из кучи затейливых и непонятных безделушек, лежавших на полу возле ложа, и исчез из моего поля зрения. Еле слышно хлопнул полог шатра. Ушел. Так, Ксенна, напрягись! У любой магии должен быть свой предел. Я попыталась шевельнуть рукой. Ногой. Проклятье! Я могла говорить, моргать, двигать глазами и морщить нос. На этом все. Остальное тело было просто тюком ваты – движений ничего не сковывало, но все усилия просто уходили в никуда. Ничего не выйдет. Хорошо, пусть будет так. Я прекратила бесплодные попытки – пусть все идет так, как определила мне Великая Мать. Тем временем, полог снова тихо хлопнул позади.

– Во имя Уззы, да кто ты такая?!

Теперь передо мной стоял уже не веселый столичный щеголь, нет. Но и не безжалостный служитель империи, каким я ожидала увидеть его по возвращении. Сдвинутые брови, скорбно опущенные уголки рта – невероятно, но похоже, что он действительно расстроен смертью своих слуг. Смертью людей, а не утратой полезных инструментов.

– По своей воле я тебе точно этого не расскажу, – я язвительно усмехнулась. – А как меня будет пытать слабак, готовый расплакаться от зрелища четырех перерезанных глоток, я с трудом представляю.

– В этом нет нужды...

Ахмар.

...Ты расскажешь мне все сама.

Я отвернулся от девушки, такой хрупкой и изящной – и такой безжалостной и смертоносной – и быстро прошел мимо нее, к своему дорожному сундучку, за амулетом правды. Нашел я его почти сразу, но продолжал делать вид, что роюсь в поклаже, пытаюсь тем временем успокоить свои дрожащие руки и сумбурные мысли. О, боги, если бы я верил в вас или в другие сказки пустыни, я бы решил, что я пленил не человека, а безжалостного джинна в женском обличье! Перерезанные глотки? Не перерезанные, а вскрытые и выпотрошенные, как молочный поросенок на кухне Хана перед пиром по случаю очередного торжества! Возможно, в этом есть абсолютно трезвый расчет – если проделать все достаточно быстро, жертва не издаст даже обычного предсмертного хрипа и не насторожит остальных, но я с трудом мог себе представить, как эта милая девушка... Даже подойти незаметно к гвардейцу–телохранителю обычному человеку практически невозможно, ей же удалось в одиночку прикончить четырех воинов, обученных сворачивать шею человека быстрее, чем падает капля воды в клепсидре – это мне довелось наблюдать собственными глазами. Но довольно рассуждать, пусть сама расскажет мне о себе.

Я подошел к Ксенне и попытался найти место, куда прилепить амулет – черный мягкий шарик, присасывающийся почти к любой более–менее твердой поверхности. Главное – под ним должны быть кости черепа, иначе действовать он не будет. Из-за дурацкой прически девушки

– волосы по бокам головы стянуты в две короткие косички, спускающиеся назад, а средние подняты и склеены чем-то на манер петушиного гребешка, лепить амулет пришлось на лоб и теперь он нелепо торчал там, одиноко возвышаясь, словно черный храм Мекки.

– Я думала, при ханском дворе принято пытаться преступников, – Ксенна смотрела на меня с вызовом, – а твоя штука просто дрожит на лбу. Я не боюсь щекотки.

– Мы не при ханском дворе, – все это время я следил за ее зрачками, они медленно расширялись и теперь ее голубые глаза выглядели совершенно черными. – А теперь ты будешь отвечать мне. Говорить правду. Ты поняла?

– Да, – ее глаза затуманились и смотрели сквозь меня. – Буду говорить правду.

– Ксенна это твое настоящее имя? —

– Я не знаю другого.

– Где ты научилась убивать?

– Я из клана Темных Убийц. Это наша работа.

– Ассасины? Но среди них нет женщин.

– О, во имя Матери, не сравнивай нас с этой сектой наркоманов, пляшущих вокруг своего драгоценного старца! – даже в этом состоянии рот ее презрительно скривился. – Мы не дурманим свой разум и не подчиняемся безумцу во имя посмертного вознаграждения от Ахура-Мазда. Мы свободное племя песков и будем таким всегда. Мы последние, кто слышит голос Великой Матери всего сущего.

Темные Убийцы? Великая Мать? Хотя ладно, биографические подробности подождут – я приехал сюда по делу, в конце концов, с ним и нужно разбираться в первую очередь.

– Ты убила этих несчастных переселенцев?

– Да.

– Зачем? Разве убийцам дают заказы на истребление нищих? Не думаю, что ваши услуги могут стоить столь дешево – или их жизни столь дорого.

– Они были Верными.

– Ты... ты убила их за то, что они верили в своих богов?! – я посмотрел на нее с жалостью. Девушка обречена. Уважение к чужой вере – один из основных столпов, на которых держится Песчаная Империя. Первый Хан, объединяющий кочевые и оседлые племена пустыни, вечно грызущиеся друг с другом, готовые растерзать иноверца или иноземца, понимал это очень хорошо – и до сих пор в кодексе законов сохраняются написанные им строчки: «Убивающий из-за богов, убивающий из-за племени, убивающий из-за рода – да будет четвертован пред всеми за злодеяния, ибо воистину, нет более худшего для Империи, чем распри сыновей ее между собой».

– Бога. Они молятся Ледяному Богу с севера – единственному, по их словам.

– Это неважно. Нельзя убивать людей только потому, что они верят в другого бога, Ксенна! Пусть боги разбираются друг с другом сами, а мы люди, нам надо жить на этой земле, жить и радоваться, а не ненавидеть и убивать – это тупик, путь к резне, подобной той, что обагрят пески нашей прекрасной пустыни до того, как пришли Ханы. Разве все боги на земле стоят человеческой жизни?!

– Мой клан всегда уважал законы Империи. И правила добрососедства. Наша Великая Мать тоже запрещает нам убивать из-за веры в разных богов. Но Верные должны быть уничтожены.

– Я не понимаю...

Ксенна.

... Я плавала в багровом тумане. Туман пульсировал, проникая в меня своими сгустками. И я уже не могла понять точно – был ли туман мною или это я была туманом. И звучал Голос.

Голос задавал вопросы, и отвечать на них было самым важным делом в моей жизни. Важнее, чем воля клана. Важнее, чем заветы Матери. Важнее, чем я сама.

– Я не понимаю. Объясни мне. – Голос хотел узнать, почему слуги Ледяного Бога должны быть стерты с лица земли.

– Они уже не люди. Они саранча. Саранча, что сожрала Миср, доедает Куш и подбирается к границам Империи. Но ханский двор не видит этой опасности, как не видели ее и мы. Мы древний клан. Тысячу лет назад смотрела луна на пески пустыни – а мы уже выходили в прохладу ночи славить лик Матери, улыбающейся нам с небес. Приходили и уходили племена, рождались и умирали боги, а мы продолжали славить ту, что смотрит на нас из каждой утренней росинки, что помогает зерну землепашца вытянуться к солнцу из тьмы вспаханной нивы, что дает силы женщине зачать и родить дитя. Нас становилось все меньше, но мы продолжали хранить свои знания и творить свои ритуалы. По воле Великой Матери, имеющей власть не только над жизнью, но и над смертью, мы научились убивать. Сначала – чтобы защищать себя. Потом – чтобы продавать услуги быстрой и справедливой смерти тем, кто жил рядом с нами. Но только такой, которая увеличит справедливость в этом мире, а не уменьшит ее. Такой, которая не нарушит заветов Матери. Когда в Великую Пустыню пришли Ханы и стали строить империю, работы у нас почти не осталось. Тогда мы начали приезжать в приграничный Аксум, и предлагать свои клинки кушитами – у них по прежнему сильный мог безнаказанно обидеть слабого, глупец – умного, а воин – торговца. Постепенно почти весь клан перебрался в Аксум, лишь немногие остались в пустыне – смотреть за священными местами.

Все началось десять лет назад. Начали доходить слухи, что в Мисре появилась секта поклоняющихся Ледяному Богу. Они называли себя Верными и количество их быстро росло. Верные утверждали, что только их бог – настоящий, все же прочие либо выдуманы, либо являются злобными демонами. Сначала они вели себя тихо и понемногу их вера распространялась дальше – многие кушиты стали поклоняться Льду и даже в Аксуме появились их религиозные общины. А потом начали доходить вести, что как только в каком-либо городе или селении их объявится достаточное количество, ситуация резко меняется. Слухи были смутными, но некоторые говорили даже о истреблении или изгнании всех, отказавшихся уверовать в Ледяного Бога. В Куш потянулись беженцы с верховьев Нила. А потом это кровавое безумие захлестнуло Миср полностью. Верные захватили власть и их верховный жрец объявил страну закрытой для иноверцев. Когда слухи об этом достигли Колоэ, в пригороде которого жил наш клан, местные Верные одурели. Похватили оружие и пошли резать иноверцев. Нас они особо ненавидели – за то, что не обращаемся с женщинами, как со скотом, надо полагать. Своих-то женщин они за людей точно не считают. Ну, и местный их жрец пару месяцев назад лишился уха, после того, как решил покричать в нашем квартале, что Великая Мать – демоница, а мы все – прислужники джиннов. Верные тогда попытались было возмутиться и угрожать нам, но городской судья стал на нашу сторону и они притихли. Но ничего не забыли. Одним словом, свой погром они начали с нас. На следующий день подошли войска из Аксума, навели порядок, кого – четверговали, кого – в колодки и на каменоломни, но для клана все уже было кончено. Нападение было внезапным, фанатиков было много. Они подпалили квартал с двух сторон и убивали всех, кто выбегал из огня. Был бы бой честным – мало кто из этой нечисти дожил бы до утра. А так... Спаслись только двое, да и то один умер от ожогов через два дня.

– А второй – это ты? Поэтому у тебя такая странная кожа – темная, с отливом в синеву, как небо в сумерках?

– Нет. Я была тут. В двух переходах от Зафарры – одно из самых священных наших мест. Я – страж при нем. Была... А что до кожи – это метка клана. Каждого из нас при посвящении натирают мазью, в которую Мать вливает темноту пустынной ночи. Если ночь принимает тебя и ты готов принять ночь – кожа темнеет. Навсегда.

– Ты сказала, что была стражем. Почему была? Разве ваше святилище здесь разрушили?

– Нет, конечно. Никто не может обнаружить святилище, пока страж не укажет дорогу и не отопрет дверь. Но теперь оно бесполезно. – даже среди убаюкивающего тумана я почувствовала, как внутри меня пульсирует боль и холодные пальцы отчаяния вновь и вновь сжимают сердце. – Старшая Сестра умерла.

– Старшая Сестра?

– Она была сосудом, вмещающим наши древние знания. Нитью, протянувшейся через поколения и тысячелетия. Ее тело менялось, но суть оставалась той же – это была именно та Сестра, что когда-то, когда мир был еще молод, первая увидела лик Великой Матери во всем, окружающем нас – живом и неживом. Первая воззвала к ней и первая среди смертных увидела ее, спустившуюся к нам с небес, воочию. Сама Мать оставила ее помогать нам, когда покидала нас. А эти грязные невежественные скоты убили ее! Уничтожили знания, что старше, чем Империя и Ханы, старше пирамид Мисра, старше садов Парсы. Без нее и ее знаний – клана тоже больше нет.

Нас осталось всего восемь человек. Мы собрались месяц назад. И спросили Мать о последней ее воле для своих пропавших детей, что не смогли сберечь частицу изначального, что была дана им в дар. И Мать ответила нам. «Верные должны быть уничтожены». И началась Охота...

Ахмар.

...и будет продолжаться, пока на песок не упадет бездыханным последний Верный. Или последний Темный. – Ксенна замолчала и прикрыла глаза.

Я отлепил амулет от лба девушки и задумался. О, Аль-Лат, за что мне все это! Я не хочу, чтобы она умерла, в ней есть что-то, заморозившее меня с первого взгляда – не та броская красота, что сражает наповал в танцовщицах Аль-Хиры, не пьянящие изгибы плоти, что лишают разума поклонников храмовых дев Мекки, но что-то большее, странное чувство, что я знаю ее от сотворения мира, что она та, что сможет разглядеть меня настоящего под всеми масками, что я научился носить в этом жестоком мире, что она та самая, с которой можно вместе спокойно брести к закату жизни – и никогда не пресытиться ее упругим телом подростка и лицом прекрасной гурии, которое не портили даже темный цвет кожи и несуразная прическа... И я должен сам, своими руками, передать ее палачам Империи, как плату за спокойствие и благоденствие подданных Хана! Да уж, Ахмар, это в твоём репертуаре – разглядеть в пришедшей убить тебя злобной фурии очаровательную гурию и начать карьеру уполномоченного Муккариба Порядка с раздумий, как спасти от заслуженной казни преступницу. Впрочем, есть один вариант...

– Впрочем, есть один вариант... – оказывается, последние слова я произнес вслух, и начавшая приходить в себя девушка резко вскинула голову, услышав их.

– Вариант? Тебе мало того, что ты своим мерзким колдовством вытащил из меня то, что я не рассказала бы ни под какими пытками, и теперь ты перебираешь варианты – чего, видов моей будущей казни? – Ксенна смотрела на меня с каким-то усталым презрением в глазах.

– Да нет же! Слушай, я не хочу, чтоб ты умирала, я хочу тебя спасти – мне кажется, что ты хороший человек, и цели твои благородны. Возможно, ты действительно права и Хан не замечает опасность этой новой секты и того, что она может принести Империи. У меня достаточно влияния и знакомых при дворе, чтобы дать тебе шанс – если ты сможешь доказать Государственному Совету, что Верные действительно самой сутью своего учения нарушают закон о веротерпимости, мы можем попытаться выставить в суде твои действия как самозащиту и одновременно защиту законов Империи. Тогда есть шанс, что ты отделаешься каторгой или даже обычным заключением, за самоуправство. Возможно даже, культ Ледяного Бога будет запрещен на территориях, подвластных Ханам – такое уже бывало, в период становления

империи. Я не слишком-то следил за новостями последнее время, но я знаю, что ситуация с Мисром вызывает у Хана опасения – и твой рассказ может их укрепить.

Пока я говорил, Ксенна пристально вглядывалась в мое лицо, и постепенно презрение в ее глазах таяло, уступая место грустной задумчивости.

– А ведь ты не врешь. Странно, странно слышать такое от служителя порядка. Но увы, мой добрый Ахмар, нас обоих уже не спасти. Не смотри на меня с таким недоумением, сейчас я все объясню. Надо признать, что ситуация весьма забавная – если посмотреть на нее со стороны. Через полчаса здесь будут Верные – их отряд из тридцати отборных головорезов третий день выслеживает меня. След, по которому они придут сюда, я оставила им специально. Если бы все прошло, как я планировала, ты был бы уже мертв, а я сидела в засаде, поджидая этих ублюдков. Затем разложила бы ваши тела так, словно вы перебили друг друга в отчаянной схватке. Верные убивают уполномоченного из Аль-Хиры! Скандал! Имперские солдаты выдвигаются карать виновных, хаос, неразбериха – и никому уже нет дела до убитых переселенцев и их непойманного убийцы. Ловко придумано?

Вот поэтому мы теперь и умрем. В Зафарре нет гарнизона, а авторитет старосты Верных не остановит. Ты сам тоже с ними не справишься – я знаю предел боевых возможностей красных магов. Десять воинов, не больше. Я могла бы убить их всех – но ты не можешь меня освободить. Мы оба отлично понимаем, что ты тогда будешь тридцать первым трупом. Воля Матери для меня важнее всего на свете, и я могла бы оставить тебя в живых, только если это поможет мне в ее осуществлении. Или хотя бы не помешает. Но, увы, ты вытянул из меня слишком много сведений своей магией, чтобы не быть угрозой мне и Охоте.

Единственный для тебя способ стать в живых – убить меня сейчас и сказать Верным, что уже казнил преступницу. Тогда они скорее всего тебя не тронут. Но я вижу по твоему лицу, что ты не сможешь этого сделать. И поэтому мы умрем оба.

Ксенна замолчала и я почувствовал, как ледяные объятья страха сжимают мою грудь. Негромко пел свою печальную песню ночной пустынный ветер, поднятые им песчинки шуршали, ударяясь об шатер, хлопали края разреза в дальней стене – а я уже почти слышал сквозь эти звуки грозный топот копыт лошадей, несущих на себе нашу неизбежную смерть. Еще немного – и они зазвучат по настоящему, потом полог шатра распадется, и... Ну нет, клянусь Уззой, я не буду стоять тут столбом, подобно трусливому суслику, с ужасом ловя каждый ночной шорох! Выход должен быть всегда, надо только успокоится и трезво обдумать ситуацию...

– Кстати, – Ксенна прервала затянувшееся молчание, – раз уж нам все равно помирать, объясни мне, почему ты не носишь одежды мага? Ведь вам строжайше запрещено так поступать. Я же следила за тобой, и если бы знала, что ты из Красных, то не попала бы так глупо. Но ты одет как обычный столичный чиновник. Почему?

– Потому что я и есть обычный чиновник. Я не маг. Но зато я один из десяти, если я не ошибаюсь, обычных людей, которым дозволено пользоваться амулетами, не являясь членом Красного Ордена. Этого нелегко было добиться, но нужные знакомства... Погоди-ка. – Внезапно пришедшая мне в голову мысль бодрила и внушала надежду на спасение. – Самое главное для тебя сейчас – выполнить завет своей богини. Убивать Верных. Для этого тебе нужно цепляться за любую возможность остаться в живых, не так ли?

– Да. Но сейчас я такой возможности не вижу.

– Я вижу! – я бросился к сундучку из эбенового дерева, стоявшему в окружении тючков и баулов в дальнем конце шатра, и начал лихорадочно в нем рыться. – Главное, чтобы я не забыл.. вот!

Я держал на ладони маленький красный пенал с золотым узорным шитьем. Внутри был неприметный черный овальный камешек – наша надежда увидеть следующий восход своими глазами.

– Все просто замечательно! Теперь слушай...

Ксенна.

...Это Страж. Амулет контроля, который Красный Совет активно использует для своих дворцовых интриг, как я понимаю. Или для того, чтобы держать нужных людей на коротком поводке. Сейчас я сделаю небольшой разрез в твоей коже, вот тут, чуть ниже подмышки, и засуну стража туда. Он сам зашьет рану изнутри, а через тридцать секунд оплетет невидимыми нитями твое сердце. Во мне есть почти такой же – вот, видишь этот бугорок? Только мой страж похитрее, его нити тянутся не только к сердцу, но и к голове, позволяя ему читать мои мысли. Теперь главное. Твой страж может в любой момент убить тебя, остановив твое сердце, и сделает это он в трех случаях: если я умру, если ты попытаешься его вытащить и если я захочу, чтобы ты умерла – мне достаточно отчетливо об этом подумать. Как ты понимаешь, этого достаточно для того, чтобы ты охраняла мою жизнь, как свою собственную, и не попыталась убить меня или ударить в пустыню. – Ахмар усмехнулся. – Я же, со своей стороны, обещаю, что сделаю все возможно, чтобы спасти твою жизнь, когда мы доберемся до Аль-Хиры. По рукам?

– К чему ты спрашиваешь меня? Разве у меня есть выбор? – а ведь этот недомаг непрост, ой, как непрост, подумала я. – Я не могу тебе помешать.

– Я не люблю неволивать прекрасных девушек. – губы Ахмара расплылись в самодовольной улыбке – Я привык, что они всегда сами и с радостью принимают все, что я могу им предложить.

– О, во имя Матери, только не надо сейчас рассказывать мне о своих победах на любовном фронте и о толпах прекрасных дев, что дежурят ночами под окнами твоего дома! Верные не будут ждать, пока ты потетишь свое самолюбие. Я принимаю твое предложение, засовывая в меня свою проклятую штуковину. Проклятье, да не это я имела в виду, не смотри на меня с такой сальной усмешкой! Режь!

– Отлично! – он подобрал с пола мой кинжал и присел рядом. – Не подумай после всех этих шуточек, что я хочу воспользоваться своим положением, но мне придется снять с тебя верхнюю часть твоей, эммм... боевой сбруи? Не могу назвать этот набор ремешков и тряпочек как-то по другому. Как это открывается? Ага, понял.

Ахмар щелкнул застежкой и стянул с меня корсет. Взгляд его моментально переместился на мою грудь, зрачки расширились, дыхание участилось – проклятый повеса! В шатер с минуты на минуту должна ворваться толпа фанатиков с мечами наперевес, а он услаждает свой взор женскими прелестями. Мне, конечно, льстит внимание симпатичного парня, но не тогда, когда это может стоить и мне и ему жизни.

– Может, ты все же поторопишься?

– Да, да, конечно. – хвала Матери, он наконец-то оторвал взор от моей груди. – Придется портить такую прекрасную кожу... Но большого шрама не останется, страж заштопает все аккуратно.

– Послушай, – пока он возился где-то вне досягаемости моего взгляда, неожиданная мысль пришла мне в голову, – а твоего стража можно хоть как-то удалить? Или я буду носить его до конца жизни?

– Можно, конечно. Но сделать это безопасно могут только маги. – он, очевидно, закончил дырявить меня и потянулся за своим красным пеналом. – Настоящие, из Ордена. Если тебя приговорят к тюрьме или каторге, то весь твой срок он, скорее всего, будет с тобой, учитывая то, насколько ты опасна. А уж потом его из тебя достанут, за это не переживай – амулеты стоят баснословно дорого. Никто не будет оставлять в тебе штуку, стоимостью в десять верблюжьих поклаж золота. Ну что же, я закончил. Можно снова возвращать тебе право распоряжаться собственным прекрасным телом.

Ахмар встал, вытащил из кармана штанов тот самый амулет, которым парализовал меня и нацелил его на мое тело. Сначала ничего не происходило, но постепенно внутри того мешка песка, что я ощущала при попытке пошевелиться, начали бегать муравьи... резвые муравьи... и вот уже я чувствую свое тело, все мышцы сведены и по прежнему не слушаются... Нога! Я дернула ногой! Так, на очереди вторая... Теперь руки... Есть! Я вскочила, слегка пошатнувшись – мышцы еще плоховато слушались меня. Так, нужна небольшая разминка.

Руки разведены, прогиб назад, головой до пола. Теперь можно опереться руками и кувырок выйти в стойку. Неплохо, неплохо, тело совсем ожило. Теперь...

А теперь все. Вот они, окружают лагерь. Стараются действовать тихо, спешили, но я все равно слышу их неуклюжие шаги и негромкое пофыркивание лошадей. Ветер звучит неровно, он тише в тех местах, где его заслоняют собой их тела. Еле слышимый звук вынимаемых из ножен мечей слева – эти уже вышли на позицию для атаки. У меня десять секунд. На полу мой корсет и кинжалы. Корсет подождет. Я подхватила кинжалы и тенью выскользнула в ночь.

Тьма и ветер! Какое отличное сочетание! Это неуклюжее отродье не услышит и не увидит меня, хвала Матери. Я быстро пробежала несколько метров вперед и прислушалась. Хриплое дыхание, поскрипывание песка под ногами. Их пятеро. Стоят близко друг к другу. Просто великолепно. Несколько глубоких вдохов, сосредоточиться... начали!

Я пригнулась и быстро побежала, оглябая их, чтоб выйти с тыла. Вот они, едва заметные силуэты, стоят, ожидая сигнала к атаке. Резкий кувырок – и вот я уже за их спинами. Великая Мать, упокой в себе нечестивцев! Я выпрямилась и одновременно всадила оба кинжала в шею Верным – под третий позвонок, обрывая нити, позволяющие душе управлять телом. Рывком выдернула их обратно и, пока тела падали на песок, а оставшиеся трое начали оборачиваться – медленно, слишком медленно для меня – вонзила еще двоим клинки под подбородок, снизу вверх, разрезая язык. Дернула вниз, заставив кинжалы пройти по горлу, разрезая трахею и голосовые связки, как только они прошли вниз и уперлись в кости грудины – прыжок, с опорой на обе руки. Пятый как раз успел повернуться на шум полностью – я завела одну ногу за его затылок, второй уперлась в подбородок, щелчок – шея сломана. Теперь кувырок назад, одновременно разрезая артерии в шеях моих двух невольных опор. Есть! Пять тел лежали на песке, дергаясь в беззвучных конвульсиях. Жаль, с остальными так не получится. Они уже должны были успеть окружить лагерь и вот-вот начнут атаку. Больше скрываться нет смысла – я побежала назад к шатру, уже не заботясь о том, чтобы делать это бесшумно. Хорошо, хоть нападение будет теперь только с трех сторон и удара в спину можно не ожидать.

– Эй, шакалы! – громко крикнула я, остановившись недалеко от входа в палатку. – Хватит прятаться, поджав хвосты! Выходите умирать за своего никчемного бога!

Через несколько секунд вспыхнувший факел осветил с десяток человек, стоявших в двадцати метрах от меня с мечами наизготовку. Остальные, те, что по бокам, значит, надеются, что я о них не знаю. Что же, тем сильнее они удивятся, умирая.

– Умирать будешь ты, рабыня Южной Шлюхи! – донесся до меня гнусавый голос с отчетливым кушитским акцентом. – Во имя Одена, единственного бога на земле и небесах, мы обогрим сегодня песок твоей нечистой кровью, чтобы все знали, что не стоит вставать на пути у Верных!

– Ксенна, – донесшийся сзади голос Ахмара заставил меня вздрогнуть, – тебе сейчас пригодится моя помощь.

Я отступила на шаг назад, не спуская взгляд с толпы фанатиков. Точно, этот недомаг возомнил себя суровым воином и теперь стоял у шатра с видом Великого Хана, вззирающего во главе своего войска на шайку бедуинов.

– Забери тебя джин, что ты тут делаешь, идиот?! Ты забыл, что смерть твоей никчемной тушки, которую ты совсем не стараешься сберечь, будет стоять мне жизни? Назад в шатер!

– Ты хочешь меня заставить? – Ахмар усмехнулся. – Не бойся, я не буду бросаться на мечи. Но кое-чем помогу. Итак, на счет три – закрывай глаза. Или ослепнешь.

– Не нужна мне твоя помощь, я...

И тут Верные, подбадривая себя криками, ринулись вперед.

– Поздно. – Ахмар резко метнул между нами и подбегающими фанатиками какой-то округлый предмет. – Раз, два...

Ахмар.

...три!

Я изо всех сил зажмурился и прикрыл глаза рукой, отчаянно надеясь, что у Ксенны хватило благоразумия послушаться меня и поступить так же. Негромкий хлопок – и темнота в моих закрытых глазах сменилась красноватым маревом, значит, амулет сработал как положено, испустив вспышку такого яркого света, что в течении нескольких минут увидевший его будет слеп, как летучая мышь. Краснота померкла и я открыл глаза. Эпичная картина! Половина сброда пороняла мечи и теперь только одурело крутила головами, остальные пытались рубить ими воздух впереди себя, а навстречу им в свете валяющихся на земле факелов неслась – молодец, девчонка, все-таки послушалась меня! – Ксенна, полуобнаженная и прекрасная, как воплощенная богиня мести, спустившаяся с небес покарать нечестивцев! В два счета она оказалась среди Верных, и я не мог даже уследить за всеми ее движениями – она была молниеносна, как порхающая и жалящая оса. Два взмаха руками – и четверо, хрипя и булькая, опускаются на колени, прижав ладони к расплывающимся алым пятнам на шее; вот она вонзает кинжал в ухо здорового бородатого мужика, второй метает в пытающегося убежать в сторону от криков кушита в белом бурнусе, перехватывает своей правой рукой руку бородача с саблей и сносит ею голову его ближайшему соседу, одновременно рывком вытаскивая левой рукой кинжал из его головы; делает несколько сальто, проносясь над белым бурнусом, и, очевидно, успевает вытащить из него свой второй клинок, потому как на выходе из своих кульбитов она распарывает горло сразу двоим, сверху вниз, по всей длине – скорее всего, именно так она и потрошила моих телохранителей. Наконец она остановилась, настороженно замерев среди доброго десятка трупов, и только я успел пожалеть, что не попросил ее оставить хоть одного фанатика для допроса, как с криками «Оден! Оден!» с обеих сторон из окружающей лагерь тьмы появились еще две группки головорезов. Вот ведь джинново отродье! Вспышку уже не кинешь, я ослеплю и девушку вместе с ними. Ксенна, тем временем, определившись, кинулась к правой группке бандитов, а я, следя за стремительно приближающейся к ней левой группе, лихорадочно полез в карман за следующим амулетом. Есть! Холодная трубка серебристого металла удобно легла в руку, я нацелил ее на подбегающих негодяев, сосредоточился и особым образом сжал. Пуффф! Мощный воздушный удар прочертил дорожку вздымающегося песка, свалил их с ног и протащил с десятков локтей. Хвала Аль-Лат, Ксенну я при этом не зацепил. Она же, уже успев разобраться с правыми, прыгнула сверху на кучу барахтающихся в песке людей и бешено заработала кинжалами.

– Ксенна, Ксенна, стой! – я побежал к ней, выкрикивая на ходу. – Оставь хоть одного живых! Не убивай всех!

– Ты вовремя это сказал, – подбежав, я увидел Ксенну сидящей верхом на чернокожем юноше, судя по всему – нубийце. Коленями она придавила его руки к земле, левая рука задирала вверх подбородок, а правая – держала у горла кинжал, – этот еще жив. Дай мне что-нибудь, чтоб его связать.

Поглядев по сторонам, я не придумал ничего лучше, чем забрать пояс у одного из мертвецов. Ксенна воткнула кинжалы в землю и в мгновение ока обмотала им руки нубийца, предварительно заломив их за спину.

– Все. – она рывком подняла пленника на ноги и потащила его к шатру. – У тебя там есть вода? Мне надо умыться.

– Да, сейчас покажу. – мы вошли, и Ксенна швырнула нубийца на пол. – Вон в том большом кувшине в углу. Если ты надежно его связала, мы можем выйти и я помогу тебе.

– Никуда он не денется.

Я подхватил лампу, кувшин и вышел наружу. Следом за мной выскользнула Ксенна. Отойдя на пару шагов от входа, мы устроили импровизированный умывальник – я лил ей воду на руки, а Ксенна пыталась отмыть ею с себя алые пятна крови, покрывавшие ее почти что с головы до ног. Признаю, поливальщик из меня вышел плохой – я частенько лил воду мимо ее рук, не в силах оторвать взгляд от ее маленьких упругих грудок, соблазнительно подпрыгивающих, когда она начинала энергично тереть особо неподатливое пятно. Ксенна, очевидно, это заметила, так как громко фыркнула, последний раз сполоснула лицо и, отряхивая с рук капельки воды, направилась в шатер. Войдя, она первым делом подняла с пола свою сбрую и снова напаялила ее на себя – увы, не может счастье смертного длиться вечно и не суждено нам нескончаемо наблюдать прекрасные вещи мира сего! Затем она приподняла пленника, оперла его спиной на тюк с поклажей – точно так же, как полчаса назад сидела там она сама – и снова повернулась ко мне.

– Тебе ведь он нужен для допроса? Опять будешь использовать свою магию, или, может, мне заняться им? Я знаю, как заставить человека молить тебя о том, чтобы рассказать все, что он знает, а потом быстро умереть.

– погоди. Давай сперва попробуем по хорошему. – я повернулся к юноше. – Все люди хотят жить и ты, приятель, я думаю, не исключение. Что скажешь, если я пообещаю сохранить тебе жизнь, в обмен на полное признание и подробный рассказ о том, зачем вы ехали за этой девушкой и хотели ее убить?

– Что мне до этой жизни? – нубиец смотрел на меня со спокойным презрением. – Я умру после боя, а значит, уже сегодня я буду в Аль–Халле, пировать со своими братьями. Верного нельзя испугать смертью.

– Ты знаешь, о чем он говорит? – я посмотрел на Ксенну.

– Да. Это часть их сумасшедшей веры. Если ты погибаешь на поле боя, да еще и во славу их бога, то специальные джинны забирают тебя в Аль–Халлу – волшебный чертог, где пируют такие же храбрые воины. У них там вкуснейшая еда, нескончаемое количество вина и на все согласные шлюхи. Я так понимаю, набор включает все, чего они не смогли добиться в своей никчемной жизни.

– Заткнись, отродье джинов! – во взгляде нубийца появилась ненависть. – Вы все просто не можете понять...

– Да что тут понимать? – перебила его Ксенна. – Это все давно придумано. В Парсе есть секта ассасинов. Их жрец накачивает их гашишем и показывает прекрасный сад, где из фонтанов течет вино и бегают обнаженные гурии. А потом говорит, что если неофит будет беспрекословно подчиняться, то после смерти Ахура–Мазда поселит его в таком же саду. Бедняги верят, и до конца жизни выполняют все приказы жреца – в основном, он посылает их убивать за деньги. Вас, правда, гашишем не кормят, но в остальном – такое же надувательство. Пообещать вино и дев после смерти, ха! Почему я не могу пообещать торговцу на базаре, что заплачусь с ним, когда он умрет?

– Ледяной Бог накажет тебя, неверная. И тебя, слуга Хана. Вы еще вспомните мои слова, когда он заключит вас в глыбу льда, где вы будете страдать от холода бесконечно, бесконечно!

– Хватит орать! – Ксенна повернулась ко мне. – Так ты от него ничего не добьешься. Наверное, и я не добьюсь – он будет корчиться от боли, но славить своего Одена, рассчитывая на посмертных шлюх и вино. Тащи свой амулет.

– Сейчас. – я поискал взглядом, куда же я его положил, когда Ксенна предупредила меня о нашей неминуемой смерти и события начали развиваться резко и непредсказуемо. Ага, вот он, лежит возле кувшинчика с кифой. Я подобрал его и вернулся назад.

– А теперь, дорогой мой друг... Что это с тобой? – на лице нубийца застыло напряженное выражение, лицо покраснело, глаза выпучились, чуть ли не вылезая из орбит. И тут вдруг он улыбнулся, как-то утробно взревел и плюнул в меня. Плюнул чем-то красным, что долетело до моего живота, отскочило и плюхнулось на пол. Во имя Уззы! Возле моих туфель на полу подрагивал язык. Язык нубийца.

Я потрясенно поднял глаза. Верный сидел, по прежнему опираясь спиной на тюк, и хихикал, по его подбородку стекала вниз и капала на одежду красная слюна, а в глазах было такое безумие, что у меня по спине пробежали мурашки.

– Какая мерзость! – Ксенна пнула язык и он отлетел в дальний конец шатра. – До чего надо довести человека, чтоб он такое с собой сделал? Но своего он добился, да. Через два часа он умрет от потери крови, и до того ты уже из него ни слова не вытянешь – ни с амулетом, ни без него.

Я почувствовал, как у меня подкашиваются ноги. Все события сегодняшней бурной ночи навалились на меня разом – девушка-убийца, испорченные глотки охранников, отряд головорезов, ночной бой, а теперь еще и этот сумасшедший фанатик, откусывающий сам себе язык, чтобы не рассказать лишнего о своей секте! И плюющий в меня этим языком! Нет, мне сейчас просто жизненно необходимо выпить. Я доковылял до ложа, упал на него, пошарил рукой в раскрытом бауле и вытащил оттуда бутылку наугад. Оказалось, красное набатейское. Вытащил зубами пробку и сделал два больших глотка. И еще. Вот, так то лучше.

– Садись-ка сюда, красавица. – похлопал я рукой рядом с собой, приглашая Ксенну присоединиться. – Садись, и пусть вместо человеческой крови, что так щедро лилась сегодняшней ночью, льется лишь красная кровь винограда с берегов Иордана. Только прошу тебя, выведи сначала этого безумца на улицу и как-нибудь безболезненно...

Я провел пальцем по горлу, показывая, что необходимо сделать.

– Незачем ему мучиться еще два часа, и мучить меня своим омерзительным хихиканьем.

– Хорошо. – Ксенна схватила нубийца за шиворот и потащила за собой из шатра, а я, наслаждаясь наступившей тишиной, сделал еще несколько глотков из бутылки. Когда моя милая убийца вернулась и уселась рядом, хмельной дух вина уже начинал ласково кружить мою голову.

– Будешь? – я протянул Ксенне бутылку.

– Буду. – она взяла ее и сделал несколько маленьких глотков. – Скажи, Ахмар, а зачем тебе все это? Ты ведь на самом деле мог избавить себя от неприятностей и не рисковать своей жизнью. Отдал бы меня верным. Преступница понесла наказание и ты спокойно возвращаешься в столицу. Зачем тебе все это?

– Знаешь, – я потихоньку начал перемещать свою руку позади Ксенны поближе к ней, – когда я увидел, как в полночный час в мой шатер врывается прекрасная дева с безумным желанием в глазах, пусть даже это и желание убить меня, я понял, что это дар, который посылает мне пустыня. Ты знаешь, во многих аксумских сказках герою пустыня посылает дар. И его нельзя отвергать – тот, кто это делает, обречен. И если пустыня выбрала меня, то кто я такой, чтобы спорить с ней? Мне остается только принять этот прекрасный дар с почтением и благоговением, и заботится о нем до конца своей жизни.

На последних словах я приобнял девушку, и стал наклоняться к ней, рассчитывая сорвать поцелуй с ее прекрасных коралловых губ.

– Гхм. – Ксенна медленно, но непреклонно убрала мою руку с ее талии и отодвинулась подальше. – Давай-ка я тебе кое-что объясню...

Ксенна.

...Наш клан, Ахмар, несколько отличается от обычных жителей Империи. А еще больше мы, женщины клана, отличаемся от ваших женщин и девушек, робко живущих в тени мужчины-повелителя. Наши мужчины не берут нас силой, не покупают у родителей за золото и верблюдов, не запирают на всю жизнь в женской половине дома, оставив только право обслуживать прихоти мужа – от еды до любовных утех, да еще постоянно рожать ему наследников.

– Неужели вы не выходите замуж? – Ахмар смотрел на меня словно выпивоха, внезапно обнаруживший в своей бутылки вместо вина чистейшую воду. – Не знаете любви и страсти? И вам неведомо, как пьянят они сердца смертных, возвышая их до высот, на которых парят боги? Но не беда, я всему тебя научу...

– Уж учить меня точно не надо. – прервала я его пьяные излияния. – Все у нас есть. И любовь, и страсть, и дети. Мы, между прочим, в отличии от вас, все свои браки заключаем только по любви или взаимной симпатии. И только на тот срок, пока эта любовь существует. У нас никто не держит возле себя опостылевшего человека до конца жизни. Как вы держите уже ненужных жен, сбегая от них каждый вечер к танцовщицам или храмовым девам.

– Послушать тебя, так мы просто все время издеваемся над женщинами! Но это же не так! Они не жалуются, им нравится прильнуть к надежному мужскому плечу.

– Конечно они не жалуются вам. И сами убеждают себя в том, что им повезло найти себе защитника и кормильца. Но, знаешь, я не буду винить в этом ни их, ни вас. Так и должно быть. Потому что ваши женщины боятся взять в руки меч, но не боятся рожать. Слабое существо, обремененное кучей детишек, не может выжить без защитника и кормильца. Что ей еще делать, как не искать того, кто защитит и накормит, даже если платой за это будет жизнь, сравнимая с жизнью раба? Все же, это жизнь, а не смерть, а обычные люди боятся смерти больше всего на свете. Поэтому все у вас так и устроено.

– А у вас? Ну, допустим, мечей вы не боитесь, а дети? Ведь брак – это всегда дети, не так ли?

– У нас – не так. – я посмотрела на недоумевающего Ахмара и поняла, что надо объяснить поподробнее. – Великая Мать дала нам знание. Благодаря этому знанию, женщины клана сами решают, когда и от кого они будут рожать. Тело каждой женщины связано с Матерью бесчисленными узлами, и сплетения их проходят через луну. Можно вычислить для каждой женщины такие дни в лунном месяце, когда семя мужчины не упадет в подготовленную почву и не сможет зародить новую жизнь. Если же произошла ошибка и женщина понесла – есть отвары и настои, которые взроют почву и вынесут проросшее семя вон. Поэтому мы рожаем только тогда, когда сами захотим. И можем выбрать того, кто тоже хочет этого, и потому будет помогать тебе из благодарности за подаренное дитя, а не от того, что без него ты обречена. Свобода существует тогда, когда ты можешь контролировать свою жизнь. И наоборот – чем меньше ты управляешь собственной жизнью, тем более несвободным ты будешь. А любить по-настоящему своего хозяина нельзя. Это чувство всегда будет изгажено зависимостью и рабской преданностью.

Ахмар посмотрел на меня, покачал головой и снова потянулся к бутылке. Сделав несколько больших глотков, он снова повернулся ко мне.

– Кажется, я понял. Ты не хочешь даже смотреть на меня, как на мужчину, потому что сейчас – я хозяин твоей жизни?

– Именно. Только свободный человек может делать выбор. Все остальное будет обманом.

– Ну хорошо, моя жестокая гурия. Клянусь, я приложу все силы для того, чтобы ты могла выбирать – и выбрала меня. А пока – спать. Набатейское хорошо, но оно усыпляет смертных...

– Ахмар широко зевнул. – Поищи в тюках покрывало и устраивайся, где тебе удобней. Да,

вот еще. С утра наверняка придет староста и сильно удивится тому, что тут увидит. Если ты сможешь не будить меня до обеда и при этом не убивать никого из желающих это сделать – я буду тебе очень благодарен. А к вечеру я раздобуду лошадей и отправимся в дорогу – стольный град ждет нас!

Я молча кивнула. Пока Ахмар ворочался на ложе, устраиваясь поудобнее, я отыскала покрывало и, закутавшись в него, прилегла недалеко от входа. Можно еще успеть вздремнуть, силы и ясная голова мне сейчас очень необходимы. Спасибо тебе, Мать, что я еще жива. Я знаю, зачем ты меня хранишь. Воля твоя будет исполнена.

Интересы Империи.

*Сага Тридцать Вторая. Дома.
Такое же еще велел вам передать крылатый вестник
Пример должны вы брать с людей тех мудрых
Которые дома украсили снаружи
Чтоб гости внутрь заходили без опаски*

Ахмар.

Аль–Хира попыталась встретить нас неприветливо – но, пожалуй, винить в этом стоит только меня самого. Я уже настолько привык путешествовать с кортежем, который ясно давал понять всем встречным мой статус и положение при дворе, что попытался промчаться на полном ходу через парадные городские ворота, небрежно кивнув охраннику. А что должен сделать хороший солдат на посту, увидев, как прискакавший из пустыни оборванец в запыленной одежде в сопровождении красноволосой нубийки пытается проскочить через въезд, пользоваться которым положено только знати, да еще и не собирается останавливаться, чтобы заплатить пошлину за въезд в столицу? Правильно, рубануть наглеца ятаганом, а потом уже разбираться, почему ему пришло в голову совершить самоубийство столь экзотическим способом. И у него почти получилось это сделать – почти, потому что в последний момент Ксенна небрежным движением выбила ногой саблю у него из рук и, соскочив с лошади, в два счета скрутила дюжего детину, уткнув его носом в дорожную пыль.

– Его ведь не надо убивать, да? – спросила она совершенно невозмутимым тоном, и я представил, каково это слышать бедолаге, корчившемуся под ее коленом.

– Нет, нет, ни в коем случае. Отпусти его. Уважаемый, все в порядке. Я Ахмар ибн Омар, слуга Муккариба Порядка, – я вытянул в его сторону руку, чтобы он увидел печатку уполномоченного, – возвращаюсь с докладом, не терпящим отлагательств.

Увидев золотой перстень, солдат, которого Ксенна успела отпустить, молча кивнул и, подобрав с земли свой ятаган, отошел на обочину, пропуская нас в город. Я вновь забрался в седло и подумав, что негоже завершать нашу встречу таким образом, вновь повернулся к бдительному охраннику.

– Ты хорошо несешь свою службу, солдат, и я рад, что покой Аль–Хиры охраняется столь тщательно. Вот, держи, – я протянул ему монету, – выпей сегодня за здоровье Хана и всех его верных слуг.

– Непременно. – улыбнулся детина, принимая от меня золотой. – Да хранят тебя все боги пустыни, Ахмар ибн Омар.

Кивнув ему на прощанье, я тронулся вперед, и копыта наших лошадей начали отбивать неспешную дробь по мощным улицам столицы. О, прекрасная Аль–Хира, сердце Империи! С одной стороны тебя овевают обжигающие ветры пустыни; с другой – ласкает своим прохладным дыханием неторопливо текущий Евфрат. В безмятежное голубое небо возносятся твои шпили и купола, стены твои покрывают древние барельефы и золотая чеканка новейших времен, тонкие ароматы духов и пряностей мешаются на твоих улочках с запахами аппетитнейших блюд и изысканных вин. Со всех краев Империи стекаются сюда люди и в сумятице и гомоне базарных рядов призывают в яростном торге к себе в свидетели Христа, Ахура–Мазду, Яхвэ и Аль–Лат, а после, в полумраке винных погребов, пьют за них все вместе, уже не разбирая толком, кто какому богу поклоняется. Весело бурлящая смесь языков, народов, обычаев и верований – не зря Аль–Хиру называют новым Вавилоном, хоть это и вызывает понятное недовольство местных иудеев. Ханы мудро выбрали место для столицы, практически отстроив

заново почти разрушенный временем и упадком город, и он расцвел, да так, как, наверное, не мог и мечтать первый Хан, приехавший в эти земли во главе небольшого отряда воинов искать счастья подальше от родных мест, раздираемых междоусобными распрями. Трудно давалось ему завоевание этих земель, а еще труднее – объединение пустынных племен, что издавна привыкли воевать за кровь, род и богов. Но суровость имперской власти и неумолимая кара, что ждала всякого, пытавшегося следовать древним жестоким устоям, сделала свое дело, и ныне Империя действительно едина и не различает в величии своем, кто какого племени и в каких богов верит. И сердце Империи, чудесная многоликая Аль–Хира, подтверждает это лучше всего.

Убаюканный своими неспешными раздумьями, мерным шагом лошади, а больше всего – усталостью от сумасшедшей скачки через пустыню, которую мы устроили по настоянию Ксенны, опасавшейся весьма вероятной погони, я чуть было не проехал мимо собственного дома, хотя не заметить его, право, очень трудно...

Ксенна.

– Приехали! – Ахмар остановился и патетически взмахнул рукой. – Прошу тебя, будь моей гостьей...

– ... и пленницей! – торжественно закончила я за него. Дом, к которому мы подъехали, по своему типу ничем не отличался от соседей – обычное каменное двухэтажное здание с башенкой и внутренним двориком. Но вот отделка... На соседних домах кое–где были надписи с именами владельцев, да еще на одном был барельеф с распятым богом христиан, дом же Ахмара был усыпан затейливой золотой вязью снизу доверху.

– Так, ну–ка, – я спешила и начала разбирать письма, – в этом доме... достойнейший Ахмар ибн Омар... доверенный Красных Магов... друг Фариды Хранителя Знаний... уполномоченный Муккариба Порядка... приближенный ко двору... эксклюзивное право на торговлю с караванами из Кинда... Великая Мать, тебе никогда не говорили, что ты слишком тщеславен?

– О, я самый тщеславный человек во всей Аль–Хире! Но разве плохо гордиться тем, чего ты добился сам? Но погоди. – дверь дома приоткрылась и из нее выскочил улыбающийся смуглый юноша лет двадцати. – Иосиф, скажи Джамиле, пусть подготовит омовение мне и госпоже, и накроет постель в гостевой комнате. Сам же бери этих двух лошадей и отведи их в караван–сарай, тот, что у западных ворот. Пусть накормят их и отправят с первым же караваном в Зафарру, местному старосте. Расходы за счет казны. Заходи, Ксенна, сейчас немного перекусим, потом можешь отдохнуть после нашего нелегкого пути, а я побегу на доклад. Надо разобраться с этим делом как можно быстрее.

Позже, когда мы с Ахмаром развалились на ложах внутреннего дворика, наслаждаясь после еды отдыхом и приятной прохладой, я все–таки решила его спросить.

– Ты говоришь, что добился всего сам. Но разве это не обозначает, что ты просто удачно распорядился тем, что оставили тебе родители?

– Нет, нет Ксенна, все совсем не так. – Ахмар поглядел на меня с печальной усмешкой. – Единственное, что мне дали родители, это мою жизнь, и я, к сожалению, никогда не видел их, чтобы поблагодарить за этот дар. Я вырос в трущобах Аль–Хиры и никогда не знал родителей. Всю свою жизнь я карабкался вверх – с самого дна, Ксенна, с самого дна. Теперь, конечно, многие косятся на меня и порицают за чванство и богатство, но я скажу тебе так – очень много людей, рядом с которыми я начинал свой жизненный путь, так и остались там, в грязных подвалах окраинных кварталов, хотя у меня было не более, чем у них, когда я решил, что вырвусь оттуда не смотря ни на что. Можно весь день сидеть на базаре с протянутой рукой или пару часов в день разносить чужие товары, чтобы потом купить бутылку самого дешевого вина и позволить ему примирить тебя с такой жизнью до следующего утра. А можно работать

долго, изнурительно, отказывая себе в малейших удовольствиях, собирая деньги на свое дело, чтобы теперь иметь возможность усладить себя сладкими изысканными винами и прочими удовольствиями, доступными смертному. Я выбрал второй путь и он мне многого стоил. Ни одна драхма моего золота не досталась мне просто так, все было оплачено моим трудом и настойчивостью.

– Что же, тогда понимаю. Тогда ты действительно имеешь право гордиться, хотя, поверь мне, твой дом все равно смотрится нелепо.

– Возможно. – Ахмар тяжело вздохнул и поднялся. – Увы, мне пора идти. Времени до ночи не так уж и много, а мне еще предстоит объяснять Муккарибу очень многое...

Ахмар.

... и очень многое тебе придется нам объяснить. – Голос человека на троне не выражал никаких эмоций и это не сулило мне ничего хорошего. Как и само его присутствие. Я никак не ожидал, что принимать мой доклад кроме Муккариба будут еще двое Красных Магов, наместники Аксумского и Химьярского эялетов и лично Хан. Похоже, я умудрился впутаться в такую скверную историю, что девушка–убийца и ночная схватка с фанатиками – просто мелкие неприятности по сравнению с тем, что меня ожидает в будущем.

– Он не понимает и боится. Но я ему верю. – Хан прикрыл глаза и устало откинулся на спинку трона. – Объясни ему. Пусть понимает, что происходит, так он будет гораздо полезнее.

– Присаживайся, Ахмар ибн Омар, разговор будет долгим. – Голос Хана, невысокий пожилой мужчина с щегольской бородкой и неизменно скорбным выражением лица, выступил из-за трона и жестом указал мне на церемониальную подушечку для аудиенций. – Как ты знаешь, заветы первого Хана уже не одну сотню лет хранят Песчаную Империю, и мы никогда не нарушали их. Один из этих заветов – не лить кровь из за богов. Но проливать кровь всякого, кто посмеет это сделать. Ты умен, и должен отлично понимать, что произойдет, если из тысячи богов, которым поклоняются по всей империи, мы начнем отдавать предпочтение одному. Пустыня покраснеет от крови, а миру и благополучию придет конец. Появление Верных и их действия в Мисре и Империи ставят нас перед сложным выбором. На кону война, которой можно избежать, и кровь, которая может не пролиться. Дело, которое ты отправлен был расследовать – только первое, но в его разрешении нам придется определить принцип, который имперское правосудие будет использовать и дальше, и мы не должны ошибиться. Голубь принес нам твой доклад позавчера. Доклад о том, что ты задержал убийцу, но она действовала, хоть и самоуправно, но в духе законов империи, прекращая существование опасной секты, члены которой проливают чужую кровь во имя своего бога. Вчера мы выяснили, что община Верных существует уже и в Аль–Хире и вызвали их главу для объяснений. По его словам, среди последователей их ледяного бога, Одена, есть два течения. Те, что пришли в Мисре к власти – заблуждаются, неправильно понимают Великие Саги, их священную книгу. И из-за своих заблуждений они несут свою веру другим на кончике меча. Другие же, которые в основном и бегут к нам из разоренного Мисра – понимают волю Одена правильно и только проповедуют. Хорошие и плохие Верные, одни воют, а другие убеждают. Он сказал, что готов поклясться в этом своим богом и будет выступать в суде на стороне жертв девушки, которую ты привез.

И еще. Как ты знаешь, когда Верные пришли к власти в Мисре, они запретили пребывание в стране иноверцам. Фактически, они этим прекратили почти всю нашу торговлю с северными странами, которая шла через них. Все это время Империя терпела колоссальные убытки, но совсем недавно нам удалось договориться о пропуске наших караванов и кораблей к их портам. Как понимаешь, если мы запретим культ Одена в Империи, этот договор практически наверняка будет аннулирован.

Теперь рассказывай, что произошло в Зафарре. И поподробнее.

Когда я закончил свой рассказ, уже давно стемнело, и слуги зажгли светильники по углам зала. Их пламя колыхалось, раскрашивая и без того мрачные лица присутствующих в черно-багровые тона, маги же, в своих металлических масках и красных одеждах, выглядели воистину зловеще. Невозможно было понять, о чем они думают, но я заметил, как они несколько раз переглядывались друг с другом, пока я продолжал свой рассказ. После краткого молчания Хан кивнул мне и обратился к наместникам.

– Теперь вы, про ситуацию в эялетах. Только покороче. Должен еще подойти иудей из городского книгохранилища, он расскажет нам все, что им известно о Верных.

– Великий Хан, ситуация под контролем, но, в свете вопросов, о которых мы говорим, неоднозначна. – худощавый аксумец начал говорить первым. – Владычество Верных разрушает Миср, люди там живут все беднее и беднее, и очень многие бегут. Бегут от владычества Верных, но все равно приносят свою веру в ледяного бога с собой. Кто-то остается в Куше, но там сейчас тоже беспокойно, и большинство добирается до нас. Они образуют свои общины, но не по роду, а по вере – тех из местных, кто уверует в их бога, они принимают к себе. Случай, подобный тому, что рассказал нам уважаемый Ахмар, бывали, Колоэ – не единственный город, в котором вспыхивал внезапный религиозный бунт. Но в нем никогда не участвуют все Верные. Половина общины не принимает в нем участия, а после прибытия солдат всегда объявляет восставших нарушителями веры и отрекается от них. Формально, мы не можем обвинить их в нарушении закона Империи.

– У нас все гораздо спокойнее. – подхватил химьярский наместник. – Верные прибывают в эялет и основывают общины, но их число пока невелико. Никаких бунтов и волнений пока не происходило, но причиной тому их миролюбие или малочисленность, понять пока нельзя.

– Хорошо. Я вижу, Амос уже прибыл. Расскажи, что тебе удалось разузнать.

Смуглый курчавый иудей с живыми глазами, одетый, против обыкновения, не в традиционную одежду своего народа, а в белую ромейскую тогу, выступил вперед.

– Великий Хан, прежде чем я начну... – он немного помялся и продолжил смущенным голосом. – Должен ли я высказывать в своей речи уважение к чужим богам, или я могу говорить о них так, как говорят лучшие умы современности?

– Амос, мы позвали именно тебя, потому как знаем, что ты не поклоняешься никому из богов, включая вашего Яхвэ. Нам нужна беспристрастность. Говори как есть.

– Замечательно, очень замечательно! Я тут сделал кое-какие заметки. – Амос развернул кусок пергамента, который до этого был заткнут за его пояс, и бодрой скороговоркой продолжил. – Верные, или культ Одена. Появились около семидесяти лет назад в Мисре, основатель – торговец рыбой из Александрии, называвший себя Предвестником, настоящее имя не сохранилось. Очевидно, этот самый предвестник водил знакомство с моряками из северных земель, потому как культ, по сути, представляет из себя несколько перевернутое изложение мифов северян, с добавлением некоторых частей из Торы, Евангелий и верований пустынных кочевников. Ну, от себя тут могу сказать, что это вообще довольно обычное дело, христиане тоже перемешали в своих книгах нашу Тору с гностическими откровениями и философией элладских мудрецов, а летописи первых лет империи хранят записи о подавлении восстания какого-то пророка из Ясриба, попытавшегося создать свой культ из, опять-таки, довольно поверхностного изложения Торы и бедуинских сказок. Ну так вот. Учение у них, насколько нам удалось узнать, примерно такое. Единственный настоящий бог-творец – Оден, создавший весь этот мир. Кроме этого, он также создал людей, чтобы они в этом мире жили, и божественных прислужников, чтобы помогали ему этим миром управлять. Но один из его помощников, Локи, взбунтовался и решил уничтожить мир. Он создал огненных духов, джиннов, которые должны были уничтожить мир в пламени. Тогда Оден пожертвовал собой для спасения людей, превратив себя в большую ледяную глыбу на самом севере, Локи же в ответ стал источником огня на крайнем юге. На севере теперь поэтому холодно, на юге жарко, но положение вещей не ста-

бильно. Чем меньше людей верят в Одена, тем сильнее Локи и тем дальше продвигаются на север пустыни и жара. Поэтому зловредные джинны притворяются разными богами и сбивают людей с праведного пути, чтобы правильная вера исчезла совсем и мир был уничтожен в огне. Но тут какой-то из божественных помощников Одена явился этому самому Предвестнику в виде черного ворона, надиктовал ему Великие Саги и велел нести истинную веру всем людям земли. Когда все на свете станут Верными, Оден воскреснет, Локи сгинет, земля расцветет, люди перестанут умирать ну и все тому подобное, финал у этих историй всегда одинаков, ожидают ли они Мессию, Второе Пришествие или победу Ахура-Мазда над Ахриманом. Ах, да, у самых преданных Верных есть шанс это увидеть, если они при жизни особо угодили Одну, то перед смертью их дух забирают прислужники бога в волшебный чертог Аль-Халлу, где они пируют и веселятся, а после победы над силами зла их воскресят. Конечно, все эти истории похожи на видения курильщика гашиша, но мы все здесь с вами понимаем, что люди верят и в более глупые вещи. Что же до их опасности, то мне трудно судить об этом, Великий Хан. С одной стороны, они исповедуют миссию спасения мира, ради которой можно пойти на многое, и то, что творят сейчас верующие в распятого бога в варварских северных землях за морем, заставляет всерьез задуматься. С другой – есть же у нас в империи те же самые авесты, у которых тоже Ахура-Мазда борется с Ахриманом за судьбы мира, есть и живут в мире с остальными. Боюсь, что до поры, пока они явно не покажут свои стремления сами, мы не сможем сказать, какой плод даст эта смоковница, ибо с равной вероятностью он может быть полезен, либо червив. Это все, что мне удалось узнать, и все, что я думаю по этому поводу.

Амос свернул свой пергамент, вновь сунул его за пояс, низко поклонился и попятился назад.

– Хорошо. А что скажете вы? – Хан повернулся к магам, но две металлические маски одновременно повернулись из стороны в сторону в отрицательном жесте.

– Ты помнишь наш договор с Империей. Мы только помогаем и только в том, что произойдет и без нас. Этот вопрос слишком важен и решать его будете вы сами – мы не поможем ни магией, ни советами. – голос из-под маски прозвучал приглушенно и безжизненно.

Хан кивнул и, закрыв глаза, погрузился в долгое молчание. Нарушаемая лишь треском пламени в светильниках, тишина ощутимо сгущалась, словно пригибая всех к земле своей безмолвной тяжестью. Наконец Хан открыл глаза.

– Ночь темна и беспокойна. Суд по делу об убийстве в Зафарре – через неделю...

Ксенна.

– ...и я боюсь, что несмотря на все сомнения, интересы империи потребуют твоей мучительной казни.

На Ахмара, вернувшегося домой за полночь и мертвецки пьяным, было жалко смотреть. Зайдя домой, он сразу же сшиб стоявший у дверей столик с курильницей благовоний и чуть не растянулся сам – прибежавший Иосиф вовремя подхватил его и довел до ложа во двореке. После чего Ахмар начал заплетающимся языком пересказывать мне детали своего визита во дворец, попутно вставляя проклятия в адрес всех богов, которых мог на тот момент припомнить.

– Хорошие Верные, плохие Верные, и никак к ним не подкопаешься, чтоб их джинны жгли сто лет, вместе с их божком! Еще немного подождем, и Империя станет вторым Мисром, откуда люди бегут, как крысы с тонущего корабля. И я не понимаю – если им так плохо жить под владычеством тех, кто верит в этого их Одена, то во имя Уззы, зачем они несут эту веру туда, куда пытаются сбежать? Все равно как если бы крысы, найдя другой корабль, сами принялись выгрызать в днище дыры, подобные прежним... Но постой. – он приподнялся, опершись на руку, и попытался сфокусировать на мне свой блуждающий взгляд. – Ты уверена, что не оши-

баешься и они действительно все одинаковы? Голос Хана говорил, что их аль-хирский главный жрец готов поклясться именем своего бога, а для фанатиков это очень серьезная штука.

– Ахмар, мы тоже изучали их веру с тех пор, как она стала так быстро распространяться. Видишь ли, у них не одна священная книга. Кроме Великих Саг, которые они дают читать и посторонним, есть еще какое-то писание, которое они от непосвященных скрывают. Мы его так и не раздобыли, но узнали некоторые интересные вещи. Например, там написано, что во имя Одена им можно врать неверным любым образом, это им прощается. А за отказ от веры полагается смерть – ты не можешь просто так выйти из их общины и уехать. Там же пишется о том, что женщины – слуги джиннов по своей сути и должны быть на месте прислужницы. Еще там есть что-то вроде внутреннего кодекса правил для общины и наказаний за их нарушение – но тут уже мы подробностей разузнать не смогли. Так что соврать их местный глава может абсолютно спокойно для своей веры и совести. Но лучше ты объясни мне – почему все-таки маги отказались помогать Хану? Я не понимаю. С той штукой, которую ты использовал, допрашивая меня, истина сразу станет явной – я очень хорошо помню, как она действует. И разве Хан не может им просто приказать?

– Ох, Ксенна, Ксенна... – Ахмар рубанул рукой воздух и захихикал. – Девочка из пустыни... Наверное, эту часть истории Империи у вас пропустили. Хан совершенно точно не может приказать Красным – я скорее удивляюсь, почему они ему не приказывают. Вообще, они до сих пор остаются для меня загадкой. Так, подожди, мне нужно еще выпить. Иосиф!

– Иосиф, принеси своему господину розовой воды! – громко крикнула я в направлении зашлепавших за стенкой босых ног и добавила чуть потише. – Ахмар, ты уже достаточно пьян. Я хочу услышать от тебя внятный рассказ, а не бессмысленное мычание. Пока я еще жива, мне нужны любые сведения.

– Ну хорошо, хорошо. Будет тебе рассказ. – упоминание о смерти заметно пристыдило его и даже заставило слегка протрезветь. Приняв у подбегавшего слуги кувшин и две чаши, Ахмар устроился на ложе поудобней, наполнил чаши ароматной жидкостью, и, протянув одну из них мне, продолжил. – Дело, насколько я понимаю, было так. Когда первый Хан пришел с востока со своим отрядом, пустыню населяло множество племен, которые все время радостно резали и грабили друг друга. Десять долгих лет Хан воевал, заключал союзы, захватывал города, принимал клятвы верности тех, кто решил примкнуть к нему. Север и срединная часть пустыни были уже частью новообразовавшейся Империи, когда южные племена наконец-то догадались объединиться и сообща выступить против имперских войск. Но, честно говоря, это уже был акт отчаяния – слишком неравны были силы. Все, на что южане могли рассчитывать – достойно погибнуть и забрать с собой побольше ханских солдат. И вот тут, накануне решающей битвы, в имперском стане явились из ниоткуда Красные Маги, и предложили Хану примерно следующее: мы знаем, что ты победишь, но прольется много крови; мы можем помочь тебе избежать этого, не изменяя того, что и так должно случиться. Хан согласился и наутро перед войском южан стояло три десятка Красных, держа наготове самые сильные из своих амулетов. Насколько я понимаю, они пытались именно выиграть битву, убив как можно меньше людей. Я читал хроники с описанием этого сражения, сейчас примерно процитирую. «И наслали маги страх на всю округу, на врагов и на друзей, и по половине обоих войск бежало в страхе, кони и собаки же впали в бешенство, затем молнии ударили по супостатам, испепелив на месте руководителей нечестивых южан, после же двинулись маги вперед, и был вокруг каждого как бы шар прозрачный, и отлетали от него стрелы и копья, в воинов же подбегающих слетали с шара искры и валились воины наземь, живые, но не умеющие пошевелить ни рукой, ни ногой. Увидев это, побросали мятежники мечи наземь и сдались на милость Хана, и, по совету магов, эту милость он им даровал, простив им дерзость и неразумие. После же всего направились Красные в шатер ханский и пробыли там день, ночь и еще день.». Видимо, тогда они и договорились с Ханом о, так сказать, условиях своего пребывания при дворе. С тех пор они много раз помо-

гали Империи – но это очень своеобразная помощь. Маги помогают только тогда, когда справятся и без них, понимаешь? Как будто бояться изменить то, что должно случиться. Подавлять безнадежные мятежи, ловить преступников, охранять ханскую сокровищницу, раздать самые слабые из своих амулетов нескольким смышленным людям и обучить ими пользоваться – пожалуйста. Но когда была серьезная заварушка с Мисром, маги категорически отказались вмешиваться. В придворные интриги они тоже не лезут, по крайней мере явным образом. Какие–то хранители равновесия из древних сказок, растерзай их джинн! Сидят в своей Красной Цитадели и кидают империи подачки, хотя могли бы при помощи своей магии весь мир к ногам Хана положить. Или к своим собственным. Так что тут рассчитывать нечего – если Красные сказали, что не помогут, значит так тому и быть, и приказать им не в силах никто на этом свете.

– Но зачем им оказывать Империи вообще хоть какую–то помощь, при такой–то силе? Хан платит им золотом?

– Платит, да. Но совсем не тем, что ценят обычные люди. – Ахмар залпом осушил свою чашу и, подняв ее в руке, задумчиво посмотрел на ее тонкую золотую чеканку. – Им доставляют в Цитадель самые разные вещи. На время.

– Какого рода вещи? И что значит на время? – я недоуменно посмотрела на него.

– Самые разнообразные. Обычно это книги, статуи, картины, украшения, но маги могут попросить и плуг, верблюжью уздечку или платье танцовщицы. Все, что им приносят, они держат у себя несколько дней, а потом возвращают владельцам в целостности и сохранности. Со жрецами поначалу были проблемы – они ни в какую не соглашались даже не время расставаться с какой–нибудь из своих реликвий, внезапно понадобившейся Красным, но после одного неприятного инцидента, когда имперские солдаты слишком перестарались, отбирая у огнепоклонников какую–то священную посудину, поняли, что лучше согласиться на отсутствие какой–нибудь святыни на время, чем, скажем так, лишиться некоторых частей тела навсегда... Так вот, еще им регулярно поставляют несколько видов руд, по виду совершенно бесполезных, да еще черную горючую кровь земли – все это они назад уже не отдают. Иногда, правда очень редко, они и сами отправляются в какую–нибудь далекую провинцию – там, по словам местных жителей, они осматривают все подряд, либо расспрашивают о вещах, которые не должны бы сильно волновать магов. Как выращивать финики, как делать вино, в каких богов люди там верят, сколько обычно детей в семье и чем надо лечить лихорадку.

– Во имя Матери, Ахмар, я ничего не понимаю! Зачем все это может понадобиться магам?

– Зачем – я и сам не пойму, а вот что касается магов... – он ненадолго замолчал, а когда продолжил, его голос звучал чуть громче шепота. – Ксенна, я не думал, что рискну кому–нибудь об этом рассказывать, но мне кажется... Мне кажется, что никакие они не маги. Нет, не смотри на меня так, я не спятил. Они владеют огромными силами, все так, я не спорю, но род этих сил... Ты знаешь, я с детства интересовался магией и чудесами, я выучил наизусть все сказки, которые знали обитатели столичных трущоб, повзрослев, я обошел почти всех чародеев и знахарей в городе, я беседовал со жрецами всех религий – и все они обещали мне невероятные чудеса, которые в итоге оказывались пустым обманом, уловками для одурачивания толпы. Я сам могу показать тебе многое из этого набора мошенников, могу заставить говорить предметы, рассекать их на части и вновь соединять, заставить свечу загореться, превратить вино в воду и наоборот – но все это будут фокусы, порождаемые ловкими руками, хитрыми механизмами или смесью специальных веществ. Магии не было нигде, Ксенна! И тогда я решил добиться невозможного – стать учеником Красных Магов, они, действительно творящие чудеса, были моей последней надеждой. Учеником я, понятное дело, не стал – они не берут к себе учеников и даже вход в их цитадель для всех обитателей Империи, включая самого Хана, ограничен специальным приемным залом. Но несколько лет невероятных усилий, придворных интриг и щедрых подарков нужным людям привели меня к цели – я стал одним из счастливи-

чиков, которым Красные доверили некоторые из своих амулетов и научили ими пользоваться. Я так понимаю, им просто стало лень или же жаль времени на поездки по улаживанию кучи мелких происшествий, которые регулярно происходят на задворках Империи. О, я помню этот день, когда на рассвете я, счастливый и восторженный дурачок, подъезжал к Цитадели, готовясь погрузиться в мир чудес, магии и волшебства! Я уже мысленно примерял на себя красную мантию!

Ахмар грустно улыбнулся, вздохнул и продолжил.

– Нас не пустили дальше приемного покоя. Обучение заняло ровно один день. А потом я запил на неделю. Это были эдакие длинные поминки – я прощался со своей мечтой найти в мире магию. За исключением того, что я совершенно не понимал принцип работы амулетов, инструкции к ним повторяли обучение у фокусников и шарлатанов. Вот тут нужно нажать и невидимый удар сметет все перед тобой. Здесь надавить пальцем в особое углубление и провести вперед – и противника разобьет паралич. Вот эту штуку поставь на сгиб руки и надави на черный кружочек – и сможешь не спать неделю, оставаясь бодрым. Сделай как написано – и получишь нужный результат. Это не магия. Это ремесло, а амулеты – какие-то очень сложные и совершенно непонятные механизмы. Клянусь Уззой, я не знаю, кто такие Красные, откуда они появились, как работают их амулеты и чего они хотят на самом деле – но они точно не маги. В мире нет магии, богов, чудес – есть только люди. Да еще нелюди, которые будут через неделю добиваться твоей смерти, потому что так велел им их придуманный бог. Ох, как я устал...

Ахмар.

– А еще и напился так, что носишь свою смерть на кончике языка, Ахмар ибн Омар! – прозвучал приглушенный железной маской голос и я вдруг внезапно осознал, что уже минут десять как в доме повисла абсолютная тишина, даже с ночных развеселых улиц не доносилось ни звука. – Я надеюсь, в будущем у тебя хватит ума не вести ни с кем более такие речи – иначе будущее твое будет коротким. Разве для того тебе была оказана великая честь и ты получил амулеты и знания о них, чтобы ты теперь трепал языком об этом направо–налево, как последняя рыночная торговка?

Ксенна подскочила было, вытаскивая свои смертоносные кинжалы, но одного взгляда на стоящую в дверном проеме фигуру в красной мантии, казалось, источающую вокруг себя запредельную мощь и вековую мудрость, оказалось достаточно, и она замерла в напряженной позе потревоженной змеи, не знающей, нападать ей или спастись бегством.

– Правильно чувствуешь, девочка. Я тебе не по зубам. Но не бойся за этого любителя хмельных вин. Присаживайся–ка обратно, я пришел поговорить с тобой, а не с ним.

Дождавшись, пока Ксенна присела на краешек ложа и демонстративно положила кинжалы рядом с собой, маг двинулся вперед и подошел ко мне.

– Пожалуй, ты тоже должен услышать все в здравом рассудке. Вытяни вперед руку!

Я озадаченно взглянул на расплывающегося в мутном тумане и слегка двоящегося у меня в глазах Красного, но решил не спорить и молча протянул руку. Он, точно так же молча, схватил меня за локоть, что-то кольнуло мою руку и вдруг мое сердце бешено застучало, а по жилам словно потек расплавленный свинец, выжигая на своем пути весь хмель, так что когда он добрался до головы, я был абсолютно и прискорбно трезв, только сердце все никак не хотело униматься и пот стекал по всему телу просто ручьями.

– Сиди спокойно и через минуту все пройдет. Теперь слушай. – Красный Маг повернулся к Ксенне. – Он все правильно сказал. Мы не должны вмешиваться. Но вмешаемся и спасем тебя, если ты кое-что пообещаешь.

– Продать вам душу? Служить вашим богам? Стать на год вашей наложницей? Чистить нужники Цитадели? – Ксенна иронически приподняла левую бровь вверх и, взяв один из кинжалов, демонстративно проверила пальцем остроту лезвия. – Я думаю, что...

– Девочка, ты ничего не понимаешь. Помолчи, а я объясню тебе то, что ты в состоянии понять. Ты обречена. Хан приговорит тебя к смерти, чтобы не провоцировать Верных Империи и не портить отношения с Мисром. Мы бы ни за что не вмешались, но некоторые обстоятельства нас вынуждают. Если ты пообещаешь рассказать нам все, что знаешь сама, об этом вашем клане, о Великой Матери, если ты пообещаешь провести нас в то святилище, что ты стерегла и открыть дверь – мы готовы в первый раз потребовать, а не попросить что-то от Хана. Мы потребуем, чтобы тебя оправдали и отпустили. После того, как ты исполнишь свою часть договора, ты получишь свободу. Но, сама понимаешь, если ты и дальше будешь убивать Верных, мы тебя защищать уже не будем. Распорядись своей жизнью сама, по своему усмотрению.

– Я вижу, положение магов при дворе заставляет их думать, что они могут получить все, что угодно по первому требованию. Наверное, вам и черный камень Мекки по первому слову к Цитадели привезут. Но с чего ты решил что я расскажу вам наши секреты? Что я пущу вас в святая святых и дам осквернить сокровенное святилище, куда даже большинству Темных всегда был закрыт вход? Если я должна заплатить жизнью, то, по воле Великой Матери я сделаю это! Тебе меня не запугать.

– А тебе не кажется, – в глухом голосе из-под бесстрастной маски отчетливо послышалась усмешка, – что ты сейчас ведешь себя в точности как тот фанатик Одена, что откусил себе язык, чтобы унести тайну в могилу? Я могу пообещать тебе, что ничего в святилище не будет разрушено. Нам нужно только знание, которое хранится там. Кроме того, не думай, что твое молчание защитит твои секреты. Мы можем...

Даже будучи трезв, я не успел понять толком, что произошло – просто мелькание черного и красного тел перед глазами, и вот я уже стою, рывком поднятый на ноги, передо мной пытается схватить воздух Красный, а мое горло холодит кинжал Ксенны.

– Не можете. – послышался ее голос из-за моей спины. – Вы не сможете меня допросить, не сможете влезть мне в голову с помощью вашего волшебного амулета. Я просто перережу ему сейчас горло, и ваше же колдовство убьет меня.

– Ксенна... – просипел я внезапно осипшим голосом. – Должен же быть другой выход...

– Извини. Я не могу допустить этого. Никакой ценой. Прости, что вместе со своей жизнью, я расплачусь и твоей.

– Ловко, ловко. – маг наконец-то нарушил молчание. – Ты обернула против нас наше же оружие. Но я имел в виду совсем не допрос. Мы уже знаем, с твоих же слов, что святилище в двух днях пути от Зафарры. И мы обшарим каждый клочок пустыни на этом расстоянии, но найдем святилище. И войти мы туда сумеем – но вот тогда почти наверняка частично его разрушим. Я могу еще раз повторить тебе свое обещание – если ты поможешь нам, мы войдем туда с тобой и все, что там есть, останется на своем месте. А после ты сможешь снова выполнять волю своей Матери, если уж настолько не боишься смерти.

Повисла тишина. Я стоял, ощущая горлом волнистое лезвие, и молил всех вспомнившихся мне богов, включая и неведомую Великую Мать, чтобы эта тишина не была последним, что я услышу в своей жизни.

– Хорошо. – кинжал немного отодвинулся от моего горла. – Но ты должен поклясться мне в этом, глядя в глаза. Только так я смогу понять, что ты не лжешь.

– Никто из людей не видел ни одного из нас без маски. Никто даже не дерзал потребовать от нас этого.

– Значит, мы будем первыми.

Послышался негромкий скрежет и еле слышное шипение – маг поднял руки к плечам и что–то крутил под мантией. Затем скинул с головы капюшон и медленно потянул вверх маску, оказавшуюся цельной, на манер закрытого шлема.

– Ну, ты довольна? – на нас смотрел абсолютно лысый человек, с иссине–бледной кожей, резкими чертами выразительного лица, слегка заостренными ушами, располагавшимися несколько выше, чем обычно у людей, и очень крупными глазами лимонно–желтого цвета. – Я клянусь!

Ксенна.

Он говорил правду – в его странных глазах не было затаенных мыслей, они не совершали те особые, заметные лишь понимающим слабые колебания, безошибочно указывающие на ложь. Конечно, маги могли и отличаться в этом от обычных людей, но, во имя Матери, то, что он предлагал было все же наилучшим выходом – только оставшись в живых я могла продолжать Охоту и по мере сил, исполнить завещанное. Могла исполнить клятву.

– Будем считать, что наш договор заключен. – Красный снова одел маску и накинул на нее капюшон. – Теперь мне нужно немного твоей крови и я уйду. А ты спокойно жди суда, остальное уже наша забота.

– Вы подписываете договора кровью?

– Нет. Это часть твоей платы – твоя кровь несет знание о тебе самой и о Темных. Не бойся, мне нужно ее совсем немного. Можешь просто надрезать себе палец кинжалом.

– Ладно. – я отпустила Ахмара, который безмолвной бледной тенью опустился прямо на пол, и провела лезвием по кончику большого пальца. – Но моя кровь не сможет рассказать тебе о Темных. Я не была рождена в клане.

– Поверь мне, это совершенно неважно. Нас интересует совсем другое, о чем тебе знать нужды нет. – маг достал маленькую бутылочку и надавил мне на палец, выдавливая из него в сосуд кровь. – Все. Увидимся через неделю на ханском суде. А тебе, Ахмар, я серьезно советую обуздать либо свою любовь к вину, либо твой излишне болтливый язык. Я не буду пока рассказывать о том, что я услышал, войдя сюда, но если это еще раз повторится – единственная должность при имперском дворе, на которую ты сможешь рассчитывать до конца своей жизни, это убирать навоз за ханскими конями. Больше предупреждать я не буду.

После ухода нежданного ночного гостя мы еще какое–то время сидели в полной тишине. Ахмар немного пришел в себя и перебрался на ложе, где и сидел, печально вздыхая, я устроилась напротив и ждала, пока он заговорит. Наконец он пробормотал еле слышно проклятья в адрес Верных, магов и собственной глупости, которая вечно втягивает его дурные истории, и поплелся, шаркая босыми ногами по полу, в глубь дома. Когда он вернулся с глиняной бутылкой вина, распивая ее на ходу, я решила начать первой

– Я понимаю, что ты чувствуешь. Но и ты должен понимать...

– Да, да, Великая Мать, великая охота и все такое... И совершенно невеликий я. – он надолго присосался к бутылки, а когда оторвался, в его глазах плескались хмель и горечь. – Еще неделя, и ты растворись в пустыне точно так же, как и возникла из нее, а потом сложишь голову, охотясь на фанатиков. На которых – клянусь Аль–Лат, Красный был прав – ты чем–то и походишь. Ладно, тебе нет дела до меня, это я уже понял, но ты и свою жизнь не ценишь, бросая ее на алтарь своего божества как ненужную безделушку! Зачем вы это делаете? Мир так чудесен, так наполнен красотой и удовольствиями – к чему отказываться от него, запирая себя в темницу скучного и угрюмого обмана?

– Ты не поймешь. И ты не прав, на тебя мне не наплевать. – я помолчала немного, пытаюсь разобраться в собственных ощущениях. – У меня такое чувство, как будто ты из клана, как будто ты родной и близкий человек... Мне жаль, что мы не встретились раньше. Все могло бы

быть совершенно по другому. Но сейчас наступает эпоха бури, время, когда людские желания и надежды будут развеяны, как песок с вершины барханов, время, когда каждый должен служить тому, во что он верит. Так что, пей, Ахмар, пей и плачь. И оставь мне немного вина на дне, пусть хоть его я разделю сегодня с тобой...

Ахмар.

Пробуждение было тяжелым. Приподнявшись на ложе, я печально покачал ноющей головой, собирая в ней осколки вчерашнего вечера. Отчет во дворце, подвальчик, еще один подвальчик, дом, разговор с Ксенной, внезапно заявившийся маг со своим крайне неожиданным предложением, холодное лезвие кинжала у моего горла, нечеловеческие глаза Красного и полужночная беседа с моей прекрасной и жестокой убийцей, где было выпито... Да, слишком много было выпито, честно говоря. Но хватит лежать и жалеть себя, лучшее лекарство что я знаю от этого печального состояния – движение.

– Иосиф! – громко крикнул я, надеясь что уже достаточно поздно и слуги успели подняться. – Воды мне для омовения, только холодной, а не теплой, и легкий завтрак во внутренний дворик! И Ксенну разбуди.

– А она уже не спит. – ответил мне из-за стены жизнерадостный голос. – Встала с первыми лучами солнца, ушла за дом и машет там своими ножами. И так у нее ловко это выходит, что засмотреться можно, что там твои уличные фокусники и жонглеры!

– Вот ведь неугомонная девица... – пробурчал я себе под нос и пошел умываться. Ополоснувшись, я несколько пришел в себя и ко времени завтрака был уже достаточно бодр и заходя во внутренний дворик даже начал напевать себе под нос какой-то мотивчик. Ксенна, уже ожидавшая там, при виде меня несколько удивленно изогнула вверх левую бровь.

– Не ожидала, что ты после вчерашнего так быстро придешь в себя. Мне казалось, вина было достаточно, чтобы уложить тебя в кровать до самого сегодняшнего вечера.

– О, нет, – усмехнулся я, – как видишь, я бодр и полон сил и даже собираюсь прогуляться по аль-хирским улицам, как только мы закончим с завтраком. Пойдешь со мной?

– Да. – Ксенна решительно кивнула. – Я ведь все-таки сейчас твой телохранитель, хоть и невольный, но очень ревностный. Мне будет гораздо спокойней, если я буду сопровождать тебя.

Я покачал головой и потянулся к тарелке. До конца завтрака больше никто из нас не проронил ни слова. Когда тарелки опустели, Иосиф, все это время стоявший неподалеку, вопрошительно глянул на меня.

– Нет, больше ничего не нужно. По дому все как обычно, если придет человек от купцов, отдашь ему кошель, что лежит на столике в прихожей, если же придут караванчики, попроси их подождать, а сам беги за мной на рынок или в подвальчики около него.

– Что сказать Джамиле по поводу ужина?

– На ее усмотрение. Скорее всего, мы поедим в городе. – последние слова я произнес, уже подходя к двери. Ксенна безмолвной тенью следовала за мной.

– Скажи мне, – наконец-то нарушила свое молчание она, когда мы уже минут десять как шли по улице, – они рабы или слуги?

– Иосиф и Джамиле? Они слуги, я стараюсь не держать рабов. Рабам незачем стараться, да и мне кажется, что власть над жизнью и смертью человека очень уж развращает хозяев. Начинаешь как-то по другому смотреть на людей, видеть в них только полезные инструменты, что ты можешь использовать по своему усмотрению. А тут все честно – слуги знают, что чем более буду доволен я, тем более будут довольны они, получая в конце недели свое вознаграждение, потому и стараются как могут.

– Но ведь их старание зависит от денег?

– Конечно. Деньги – это великая сила. Скажи мне, что еще могло заставить все эти товары двинуться в путь, с огромными опасностями пересекая моря и пустыни, подвергаясь опасностям от царей и разбойников, чтобы в итоге оказаться здесь, на другом конце земли, где теперь любой поденщик может купить их без особых трудностей?

Я патетически взмахнул рукой – мы как раз вошли на базарную площадь Аль–Хиры и от разнообразия представленного здесь великолепия действительно рябило в глазах. Яркими флагами всевозможных расцветок свисали с прилавков отрезки шелковых изукрашенных тканей, заваленные сверху золототканой парчой и отбеленным льном, яркими звездами сверкали драгоценные камни, украшавшие кольца, перстни, ожерелья и тюрбаны, щедрым солнечным светом лучились золотые кубки, пряжки, фибулы и прочая мелочь. Но стоило зажмурить глаза – и тысячи запахов обрушивались на тебя со всех сторон. Пряности, специи и благовония, привезенные сюда из дальних уголков Империи, из нубийских земель, Хинда и других загадочных восточных стран, будоражили воображение, а запахи готовившейся тут же в небольших чайханах или прямо на улице ароматной пищи заставляли живот алчно ворчать в жажде немедленно ее поглотить. И даже если упрямец заткнет себе нос, в тщетной надежде отрешиться от мира – его тут же атакует сонм громких звуков, от ржания породистых жеребцов и ударов молотка чеканщиков, до криков сотен глоток, уговаривающих, упрашивающих, умоляющих купить у них вот эту замечательную вещь, и эту, и еще вон ту.

– Ну, скажи мне, разве я не прав? – повторил я еще раз и горделиво подбоченился.

Ксенна.

Ахмар стоял, довольный и лучезарный, среди своего царства, среди роскоши, сутолоки и базарной толчеи, а я вдруг ощутила побежавший по спине холодок и, сосредоточившись, почувствовала чей–то взгляд. Но понять, откуда именно смотрят на нас, в этом диком хаосе кричащих, суесящихся и постояннодвигающихся людей было невозможно, а значит, нападения можно ожидать в любой момент и с любой стороны.

– Ахмар, – прошептала я ему в самое ухо, – за нами кто–то следит. Тут слишком опасно. Ты говорил про какие–то подвальчики, давай зайдем туда и посмотрим, кто сунется следом. Я боюсь, что Верные решили начать свою охоту, не дожидаясь решения ханского суда.

– Это вряд ли. – отвечал мне этот болван таким громким шепотом, что его, наверное, было слышно на другом конце Аль–Хиры. – Они не рискнут так вести себя в столице. Но я не имею ничего против посещения замечательного заведения. Давай за мной.

И Ахмар потащил меня за собой за руку, пробираясь через плотную толпу так ловко, что казалось, не встречал никакого сопротивления. Пока он меня вел, я прислушивалась к своим ощущениям, и мне показалось, что внимательный взгляд сопровождал нас все время, пока мы не спустились по ступенькам в пропахшую вином и подгорелым маслом средней руки чайхану.

– Я сейчас. – Ахмар подтолкнул меня вперед. – Садись вон за тот столик в углу, хозяин всегда оставляет его для меня, а я пока распоряжусь, чего нам принести.

Я молча кивнула и пошла вперед, и вдруг на полпути ощутила увесистый шлепок чуть пониже спины. Вслед за шлепком раздался веселый пьяный смех. Обернувшись, я увидела за ближайшим столиком троицу уже порядком захмелевших молодых людей.

– Привет, сестра! – крикнул мне по–нубийски сидевший ближе всех ко мне темнокожий парень, который, очевидно, и отвесил мне шлепок. – Не сделаешь ли скидки земляку?

– Ты совершил ошибку. – ответила я ему на его языке и без дальнейших пояснений пригвоздила его ладонь кинжалом к столешнице. – Думаю, ты должен извиниться.

Раздался дикий крик и моментально посеревший нубиец с ужасом уставился на свою проткнутую руку, из которой уже медленно потек алый ручеек крови, а двое его друзей вскочили со своих мест, выхватывая оружие. Протрезветь они не успели и выбить у левого саблю,

а у правого кривой короткий нож мне не составило бы никакого труда, поэтому я спокойно склонилась над нубийцем и еще раз повторила свое предложение извиниться.

– Эй, эй, парни, успокойтесь! – подбежавший сзади Ахмар понял, что произошло и попытался было успокоить дебоширов. – Я очень не советую вам нападать на эту девушку. Пусть ваш друг извинится и мы все выпьем за мирное разрешение этого недоразумения.

– Да ты видел, что она сделала? – заорал ему в ответ пьяным голосом один из приятелей нубийца. – Эта шлюха проткнула ему руку насквозь! Мы должны это терпеть?!

– Ксенна, – Ахмар понял, что от собеседников ему ничего не добиться и повернулся ко мне, – я прошу тебя, главное – не убивай этих недоумков. Ты сейчас официально под имперским судом и парочка трупов в центре столицы будет не лучшим способом показать...

– Аррргх! – один из пьянчужек попытался ударить меня мечом, но я просто отодвинулась в сторону и он глубоко увяз своим оружием в деревянной столешнице. – клянусь Аль–Лат, я все–таки пролью твою кровь сегодня вечером!

– Хорошо, они останутся живы. – ответила я Ахмару и тут же без замаха ударила тому, кто все еще пытался выдернуть свой меч из стола, прямо в кадык. Пока он, судорожно задыхаясь, пытался вдохнуть в себя хоть немного воздуха, схватила его за волосы и из за всех сил приложила головой об массивную столешницу. Дебошир крикнул и сполз под стол. Второго его участь ничему не научила, и он попытался было взмахом ножа перерезать мне горло. Зря, потому что я успела перехватить его руку и, резко ее выкрутив, заставила разжать пальцы. А когда нож глухо звякнул, упав на пол, ударила по локтю против сустава, ломая его. Раздался сухой хруст, и следом за ним – нечеловеческий крик. Бедняга смотрел на свою повисшую плечью руку и кричал так, словно лишился прямо сейчас самой важной для мужчин части естества. Чтобы прекратить его терзания, я подхватила недопитую ими бутылку со стола и обрушила ее ему на голову. Глиняные черепки весело запрыгали по полу, а болезный наконец–то успокоился.

– Ну что, – обратилась я снова к нубийцу, теперь уже на имперском наречии, – ты собираешься извиняться передо мной?

– Извини... Извини... – пробормотал невнятно он, переводя взгляд с отдыхающих на полу товарищей на свою руку, до сих пор пригвожденную моим кинжалом к столешнице. – Я ошибся, я прошу прощения.

– Так–то лучше. – я выдернула кинжал и нубиец прижал к себе израненную ладонь, лелея ее, словно грудное дитя. – Ахмар, так где ты говорил, твой столик?

– Вон там, в углу, моя прекрасная фурия. – ответил он, саркастически улыбаясь. – Идем туда, и пусть с насильем на сегодня будет покончено. Давай сегодня мы больше не будем лить кровь, а будем слушать прекрасные истории. Я вижу здесь человека, который знает их в избытке. Башар, иди сюда, я угощу тебя, как обычно, а ты, как обычно, расскажешь мне одну из своих чудесных сказок.

На его оклик отозвался седой как лунь старик, до того подпиривший одну из стен веселого подвальчика. Он сел за наш стол, с противоположной от нас с Ахмаром стороны, и хранил молчание, пока нам не принесли большую тарелку с верблюжьим мясом и несколько бутылей вина. После этого старик разлил вино по глиняным кружкам, разложил всем по куску мяса на тарелки и торжественно провозгласил:

– Благодарю тебя, Ахмар ибн Омар, что ты снова угощаешь меня! – и, одним глотком осушив свой бокал, продолжил. – Боюсь только, что ты делаешь это в последний раз.

– В чем дело, Башар? – искренне удивился Ахмар. – Ты решил покинуть нашу прекрасную Аль–Хиру, в которой прожил столько лет?

– Не в этом дело, Ахмар, не в этом... – старик промолчал немного, а затем продолжил. – Очень давно, когда я еще был несмышленным мальцом, моя матушка говорила мне о том, что рядом с каждым человеком идут еще два. По левую руку – тот, которым он был в прошлом,

по правую же – тот, которым он станет через время. Я смеялся над ее словами и считал их детскими сказками, но когда минуло мне пятнадцать лет, я не увидел, но почувствовал: вот, идет слева от меня юный мальчик и с укором взирает на меня, не веря, что все его детские чистые стремления обратились в прах и сгнули в суете взрослого мира, а по правую руку бредет поседевший человек и печально качает головой, видя во мне свою прежнюю самонадеянность и наивную веру в справедливость устройства мироздания. С тех пор я жил спокойно, ведь всегда рядом со мной был будущий я, а значит – ничего плохого со мной дальше не случится и я буду жить. Но уже с месяц справа от меня пусто, а юнец слева все печальнее день ото дня, и я знаю, что это все от того, что скоро должна придти моя смерть. Поэтому и говорю тебе сейчас – давай же выпьем в последний раз, ибо следующего может и не быть!

– Да полно тебе, Башар! Сколько я себя помню, ты всегда был таким же как сейчас, и я просто не верю, что могу пережить тебя. – Ахмар тоже успел осушить свой кубок и говорил быстро и взволнованно. – Брось грустить напрасно, лучше расскажи нам одну из тех историй, что ты знаешь в поистине неимоверном количестве. Наверняка есть еще та, которую я не слышал!

– Конечно есть, и не одна. О чем тебе сегодня рассказать? – Старик задумался ненадолго, а затем продолжил. – Рассказывают старые люди, что жил давным–давно мальчик, по имени Фаиз. И был он до того упрямый и своевольный, что никакого сладу с ним не было его матери. Отец же его давно умер, а потому семья жила бедно. И когда совсем не осталось в доме у них еды, мать сказала Фаизу: «Сынок, завтра нам нечего будет есть. Иди на рынок и подрядись носить товары, чтобы заработать хоть несколько монет и купить еды.». С неохотой кивнул ей Фаиз, но пошел, потому как в их доме действительно не водились даже мыши – они не могли там найти даже крошки себе на пропитание. И вот шел Фаиз и мечтал, как он в будущем разбогатеет и не будет никогда работать, лишь лежать себе в теньке весь день и запивать халву розовой водой. Замечтавшись, прошел он мимо базара, а когда пришел в себя, понял, что забрел в трущобы города и не знает, как идти обратно. Навстречу ему шел человек, и мальчик обратился к нему, спрашивая дорогу, но человек начал расспрашивать, кто он и что тут делает. «Я иду наниматься носильщиком, чтобы заработать денег на еду.» – ответил ему Фаиз, и тогда прохожий посмотрел на него внимательно и сказал: «Я помогу тебе в твоей нужде. Вот, сейчас я даю тебе золотую монету, а через несколько минут зайди вон за этот угол. Там будет стоять большой кувшин, отнеси его правителю города и скажи, что это подарок для его дочери. Только смотри, не торопись, неси кувшин бережно и аккуратно. Горе тебе, если ты его разобьешь!». Сказав так, он вручил Фаизу монету, а сам завернул за тот самый угол, о котором говорил. Когда же мальчик по прошествии времени завернул туда, незнакомца там уже не было, но на земле стоял изукрашенный разноцветной эмалью глиняный кувшин, высотой почти с половину человеческого роста. Фаиз схватил его и побежал к дому правителя – так хотелось ему побыстрее попасть домой и показать матери золотую монету, что он заработал, что решил он послушаться указаний. И вот, когда он уже почти подбежал к дому, кувшин выскользнул из его рук, упал на булыжную мостовую и разбился на мелкие осколки. Из осколков же повалил густой черный дым и вот – из этого дыма перед Фаизом возник все тот же незнакомец. Ибо был это на самом деле джинн, замысливший обманом пробраться в дом правителя и похитить его дочь. Увидев же, что план его провалился, джинн рассвирепел, и, схватив мальчика, нес его по воздуху три дня и три ночи, после чего бросил его одного среди пустыни, а сам скрылся.

На этот моменте Башар замолчал, снова наполнил вином свой бокал и начал не спеша, мелкими глоточками, его опорожнять.

– Как, и это все? – возмутилась я. – Странные у тебя сказки, старик.

– Конечно, это не все. – ответил он мне и, допив свое вино и откашлявшись, продолжил. – И вот шел Фаиз по пустыне, все надеясь, что на горизонте наконец–то покажется вожделенный оазис, шел день и второй, но все не кончалась пустыня и вот пересохло его горло и упал он

на песок, не в силах больше двигаться. И когда решил он, что пришел уже его смертный час, увидел он лицо прекрасной девы, что склонилась над ним. «Кто ты?» – спросила она – «И что ты здесь делаешь? Смертные не могут забрести в обитель духов воздуха, но ты смертен и ты тут. Как ты попал сюда?». Рассказал ей Фаиз все, что с ним произошло, и нахмурилась дева и отвечала ему: «Знаю я этого джинна, он издавна досаждал нам. Надо бы проучить его за коварные козни. Я заберу тебя с собой, а после мы подумаем, как бы ему отомстить.». И перенесла его в чудный оазис, где из ручья текла сладкая вода, а финиковые пальмы давали плодов столько, сколько пожелаешь. Там Фаиз провел семь дней, а как прошли они, снова явилась к нему дева и сказала: «Я придумала, как проучить джинна. Слушай меня. Сейчас я заберу тебя с собой и спрячу, а после заставлю джинна обманом войти внутрь кувшина. Как только же я закричу «Хвала Аль–Лат!» – так тут же возьми вот эту пробку и крепко заткни ею сосуд.». Сказав это, перенесла она Фаиза из оазиса в пустыню и спрятала его в пески так, что он стал как бы частью бархана. После поставила рядом с собой большой медный кувшин и стала кричать, призывая джинна. Вскоре он и явился. «О, Джинн!» – сказала она ему, как только он появился. – «Не могу я более терпеть и хочу сказать, что сгораю я от неземной страсти к тебе. Но несвободна я, чтобы предаться ей тотчас, но может освободить меня волшебный камень, что находится на дне этого сосуда. Найди его, и я буду твоей!». И с великим вожелением полез джинн в медный кувшин и принялся искать, дева же все спрашивала: «Нашел ты его? Нашел?». «Все, он у меня!» – отвечал джинн, найдя маленький камушек, что дева кинула до того на дно кувшина. «О, хвала Аль–Лат!» – воскликнула она, и тут же выбрался Фаиз из своего укрытия и заткнул пробку! Страшно закричал джинн, но ничего не мог поделать, и через время начал вопрошать: «Кто пленил меня?». «Это я, Фаиз, мальчик, которого ты унес из родного города и бросил в пустыне!». «Чего ты хочешь от меня?» – спросил его джинн. «Верни меня назад и перед лицом правителя расскажи о своем обмане.» – ответил ему мальчик, а после обещания джинна, что так все и будет вытащил пробку. И вот, три дня и три ночи летел джинн с Фаизом в его город, а после принес его к правителю и рассказал, как хотел похитить его дочь, но не смог, потому как Фаиз разбил кувшин, в котором он сидел. И возрадовался правитель, и велел дать мальчику сотню золотых монет, чтобы он с семьей ни в чем не нуждался, а после, как Фаиз повзрослел, отдал за него свою красавицу–дочь и жили они с тех пор счастливо, пока смерть не разлучила их.

Ахмар.

– Какая–то дурацкая сказка. – сказала мне Ксенна, после того как Башар выпил еще стакан вина и удалился. – И ничему хорошему не учит. Мальчик получил награду потому, что был неудачником и не справился с порученным ему заданием. Я бы точно не стала ставить его своим детям в пример.

– Ты слишком серьезно относишься к сказкам. Людям просто нравятся такие истории, где кому–то везет и с неба на него обрушивается счастье и богатство – потому что людям хочется точно так же, без особых усилий, получить их. Или хотя бы помечтать об этом. Да, возможно, после таких историй они будут меньше стараться и больше уповать на удачу, но это их личный выбор и ответят за него они сами.

– Кстати об ответственности. – Ксенна внимательно посмотрела на меня. – Мне кажется, ты выпил уже достаточно. Пошли домой, пока ты не разошелся и не начал болтать лишнего.

– Хорошо–хорошо. – я поднялся и кинул на стол несколько монет. – После вчерашнего я не буду спорить с тобой.

Как только мы вышли на ночную улицу, Ксенна опять насторожилась.

– За нами снова следят. – еле слышно сказала она. – Иди–ка вперед, а я сверну в подворотню и подожду, кто пойдет за нами следом.

– Только прошу тебя, – прошептал я ей в ответ, – если это не верные, не режь им глотки и не ломай руки. Это Аль–Хира, и я почти наверняка догадываюсь, кто сейчас попадетя в твою ловушку.

Мы двинулись дальше и вскоре Ксенна молниеносно растворилась во мраке темного переулочка, мимо которого мы проходили. Я, как ни в чем не бывало, продолжал идти, и вскоре услышал позади сдавленный крик и топот удаляющихся шагов, а после меня весьма скоро нагнала моя милая убийца собственной персоной.

– Ты был прав. – довольно сконфуженно заявила она мне. – Это были обычные грабители, видимо заприметили нас еще на рынке и ждали, пока мы выйдем из подвальчика и отправимся домой. Одному я сломала палец, а остальные сами разбежались.

Я покачал головой и молча пошел дальше. Ну да, как я и просил, никому она руку не сломала, и укорять ее вроде не в чем. Просьба исполнена в абсолютно точном соответствии.

Позже, ночью, мне приснился очень странный сон. Я шел по такому большому и такому зеленому лесу, которого в жизни не видывал и какого отродясь не было на землях Империи. И рядом со мной двигался кто–то еще, кого я не мог пока разглядеть, лишь темный размытый силуэт маячил по правую руку. Мы шли довольно долго, и лес вокруг начал смыкаться, а тропинка под ногами становилась все уже и уже. Наконец, когда она почти исчезла, навстречу нам из чащи вышло с десятков одетых во все белое людей.

– Во имя Одена, ты должен умереть сейчас, Ахмар ибн Омар! – заявил один из них и все остальные обнажили мечи.

– Не бойся, я защищу тебя! – сказала мне Ксенна и я понял, что именно они шла все это время рядом со мной. – Я ведь обещала, что никогда тебя не брошу.

И не успел я удивиться, когда она успела пообещать мне такое, как Ксенна уже подскочила к белым фигурам и принялась рубить их кинжалами, но они проходили через них, словно через воздух, не причиняя никакого вреда.

– У тебя нет власти над тем, что должно произойти, прислужница Великой Матери! – расхохотался один из них. – Твоя судьба – умереть, и никто не может сразиться со своей судьбой и победить ее.

– Нет! – отчаянно закричала Ксенна, и вдруг, подскочив ко мне, воткнула свой черный волнистый кинжал прямо в мою грудь, а после подхватила второй рукой и отчаянно зашептала на ухо. – Это все сон, Ахмар, это все будет сон...

На этом моменте я проснулся, но мне показалось, что сновидение никак не желает прекращаться – прямо над моим ложем навис темный силуэт и утренний сумрак не давал мне рассмотреть его лицо.

– Это всего лишь сон. – снова повторила мне тень голосом Иосифа. – Вы так страшно стонали, скрипели зубами и корчились, что я решил разбудить вас, чтобы демоны пустыни не похитили во сне вашу душу.

– Да? Хорошо, ты можешь идти. – ответил я ему и, откинувшись на мокрую насквозь подушку, облегченно выдохнул. Похоже, душа моя действительно смущена, вот только угрожают ей отнюдь не демоны. Думаю, надо бы воздержаться от спиртного на неделю, пока не состоится этот проклятый суд. Потом уже можно будет пить – или от радости, или с горя...

Воля Одена.

*Сага Тринадцатая. Камни.
Пусть джиннов полчища и Локи слуги
Устами лживыми и саблями стальными
Не сокрушат твердьми духа Верных
Им править миром Оден предназначил*

Ахмар.

Когда я увидел, как будет проходить суд, сердце мое сжалось и рухнуло в пустоту – я решил, что даже покровительство магов ничего не значит для Хана и намеченное судилище с принесением в жертву интересам Империи Ксенны состоится. Вместо закрытого заседания в судной комнате, Хан решил провести торжественный открытый суд на Площади Цветов, да еще и возглавил его лично – он сидел в кресле резной слоновой кости на спешно возведенном помосте; вся площадь была заполнена жадными до зрелищ жителями Аль–Хиры, лишь перед самым помостом редкая цепь стражников сдерживала толпу так, чтобы свободным оставался небольшой полукруг, где и находились все участвующие лица. Слева, у самого помоста – Ксенна с Амосом, который был назначен говорить в ее защиту, позади них я, как свидетельствующий в пользу обвиняемой; справа – мрачный коренастый мужчина средних лет, одетый в пышные белые одежды, с синей повязкой на голове, в окружении еще нескольких человек в похожих одеждах, но без повязок. Трое магов появились позже всех и демонстративно встали посередине, на равном от всех расстоянии. Впрочем, один из них, очевидно именно он и был нашим ночным гостем, видимо прочел по моему лицу все мои мысли, подошел сначала к белым одеждам, перекинулся с ними парой слов, затем направился ко мне.

– Не переживай, наш договор в силе, девушку отпустят. – негромкий голос из под бесстрастной маски прозвучал для меня божественным гласом спасения. – А еще у меня есть очень интересная новость и для тебя, и для нее, но не знаю, обрадует это тебя, или огорчит. Но об этом после.

Маг вернулся к своим товарищам, оставив меня озадаченно переваривать его слова, но тут мои размышления прервал звук огромного бронзового гонга, установленного на помосте рядом с Ханом. Суд начался.

– Жители Империи, какого рода бы вы ни были и каким бы богам не поклонялись, внимайте! – слова появившегося на помосте Голоса Хана гремели над затихшей с ударом гонга толпой. – Ханский суд, справедливый и беспристрастный, выслушает сегодня Ксенну из клана Темных Убийц, неимперского вероисповедания, и Абд–Одена, безродного, главу Верных Аль–Хиры. Выслушает и рассудит по справедливости, законам и древним обычаям. Первое слово обвиняющему!

– Великий Хан и жители Империи! – заговорил, выступив вперед, мужчина с повязкой. – Я обвиняю эту девушку в убийствах веры. Воистину, ужасно то, что совершила она, подстрекаемая джиннами и самим Локи! Под покровом ночи, по наущению своей злобной богини, она коварно зарезала во сне двенадцать человек, вся вина которых была в том, что они были Верными. Из них трое, о Хан – дети двух–трех лет, и шестеро еще – женщины; один же был немощным стариком, неспособным сражаться. Такие злодеяния не должны оставаться безнаказанными и я требую, по законам Империи, приговорить ее к четвертованию, чтобы впредь никому не пришлось в голову нарушать священный завет первого Хана и убивать людей за их веру!

Закончив свою патетическую речь, верный склонил голову и сделал шаг назад – и тут же к помосту выскочил вертлявой юлой Амос, держа в руке свиток папируса, которым тут же грозно ткнул в сторону обвинителя.

– Значит вы утверждаете, уважаемый Абд–Оден, что ваших людей убили из–за их веры. А как насчет тех Верных, которые устраивают с завидным постоянством религиозные погромы в приграничных городах Империи и успевают вырезать немало народа, пока из ближайшего гарнизона не подойдут солдаты?

– Мы уже говорили с тобой про это, иудей! – глава Верных отвечал с видимым раздражением. – Те из нас, кто встал на путь меча, попали под соблазны Локи. Мы отрекаемся от них и не считаем их более слугами Одена. Мы не отвечаем за их действия, как и они не отвечают за наши.

– Отлично! – Амос театральным жестом расправил свой папирус. – У меня в руках сводки по Аксумскому эялету из канцелярии Муккариба Порядка по прошедшему полугодию. Так... сейчас... «Настоящим довожу до высочайшего Муккариба, что текущего количества солдат недостаточно, пользуясь чем, преступники в отдельных случаях избегают правосудия. В частности, после мятежа в Адулисе»... Нет, не тут... «после мятежа в Колоэ – шесть мелких групп из совершавших убийства и поджоги, в том числе: десять вооруженных мужчин и одна женщина – в сторону границы с Кушем; трое мужчин, шесть женщин и три ребенка – в направлении Химьярского эялета...» А выписка из Асумской канцелярии, которую я затребовал вчера, свидетельствует, что группа в подобном составе была только одна и прибыли эти беженцы действительно в течении нескольких недель после бунта в Колоэ. Именно они и были убиты обвиняемой.

Амос умолк, выдерживая эффектную паузу; впрочем, по лицу Абд–Одена было понятно, что он еще не осознает, что последует дальше. Я же уже все понял и внутренне аплодировал пронырливому книжнику, обещая себе непременно напоить его самым дорогим вином из всех, что можно найти в Аль–Хире, как только все закончится.

– Таким образом, Великий Хан, уважаемый Абд–Оден только что сам подтвердил нам, что жертвы преступления не являются Верными по их канонам, а следовательно, многоуважаемый Абд–Оден никак не может представлять их интересы в суде, преступление же не может быть квалифицировано как убийство веры. Ввиду открывшихся обстоятельств, я предлагаю признать случившееся самоуправным отправлением правосудия, поскольку были убиты мятежники, и кровной мстью, поскольку были убиты невинные, и назначить по совокупности наказание в виде каторжных работ в течении трех лет.

Заметив краем глаза движение, я обернулся, и успел увидеть, как глава Верных чуть было не кинулся на Амоса, но был перехвачен своим соратником, который, горячо жестикулируя, начал что–то шептать ему на ухо. Послушав его, Абд–Оден несколько успокоился и остался на месте, но на его лице явственно читалось желание растерзать всех присутствующих во славу своего Ледяного Бога. Чем же его упокоили? Напоминанием, что удавка убийцы может легко наступить каторжника в любое время?

Тем временем, над площадью раздался негромкий изумленный возглас толпы – Хан поднялся с кресла и обратился к Амосу сам лично, без помощников.

– Скажи мне, кто нанял тебя защищать эту девушку?

– Красный Совет, Великий Хан. Но я клянусь тебе своей жизнью, что не сказал ни слова неправды. Убитые действительно участвовали в мятеже и виновны в смерти членов клана подсудимой. Это явным образом следует из документов. А слова отречения от них главы Верных ты слышал только что сам.

– Хорошо. – Хан повернулся к магам. – Объяснитесь.

– Нам нужна эта девушка. – один из магов выступил вперед. – Если ее отправят на каторгу, мы воспользуемся своим правом брать заключенных для работ и заберем ее на весь

срок в Цитадель. И Амос действительно сказал тебе правду. Если бы дело обстояло не так, мы бы попробовали договориться с тобой до суда, а не пришли бы сюда, уповая на твою справедливость.

Хан молча кивнул ему, опустилсся снова в кресло и задумался. Следующие пять минут над площадью висела абсолютная тишина. Казалось, вся Аль–Хира почтительно замолкла – не было слышно ни одного звука, сопровождающего обычно жизнь большого города, кроме негромкого щебетания птиц и журчания воды в небольшом фонтанчике на другом конце площади. Амос беззвучно постукивал пергаментным свитком по раскрытой левой ладони, верные жестами что–то сообщали друг другу, маги и Ксенна бесстрастно застыли на манер каменных статуй. Наконец Хан нарушил молчание.

– Это трудное решение. Еще вчера я считал, что девушка достойна смерти – если не за свои преступления, то ради спокойствия жителей Империи. Но слова Амоса, а самое главное – ваши слова, – Хан кивнул в сторону магов, – переубедили меня. Еще ни разу ни одному правителю Песчаной Империи не приходилось жалеть о том, что он послушался совета Красных Магов. Надеюсь, не пожалею и я. Признаю эту девушку виновной и приговариваю ее к трем годам каторжных работ. С этого момента и на весь срок она поступает в распоряжение Цитадели. Суд окончен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.